Ливия Норвейн

Брошенная жена. Я сама дракон

Ливия Норвейн

Брошенная жена. Я сама дракон

«Автор»
2026

Норвейн Л.

Брошенная жена. Я сама дракон / Л. Норвейн — «Автор», 2026

Я спасла мужа из огня. А когда снова стала человеком, он велел перенести мои вещи из нашей спальни.Семь лет я знала каждую его привычку, каждый взгляд, каждое прикосновение. Но стоило мне впервые обернуться драконом, как любимый мужчина начал бояться даже моего голоса.Я оставила прежнюю жизнь и ушла с последним осенним обозом через горы. Там, за перевалом, есть долина, где мне помогут освоить силу, о которой я никогда не подозревала.Вот только обоз охраняет Северин Вард — бывший драконоборец. Он знает, как убивать тех, кто теряет человеческий разум. И у него есть причины не доверять даже самому мирному дракону.Мне следовало бы держаться от него подальше. Но чем труднее становится дорога, тем чаще я ловлю себя на желании услышать его шаги рядом.Однажды я уже потеряла любовь из-за своей драконьей природы. И если придется выбирать снова, на этот раз я не стану отказываться от собственных крыльев

© Норвейн Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Зола в волосах 5
Глава 2. Мера овса 16
Глава 3. На весу 32
Глава 4. Горькая вода 45
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Ливия Норвейн
Брошенная жена. Я сама дракон

Глава 1. Зола в волосах

— Если ты еще раз назовешь ее ленивой, она и за вторую руку тебя цапнет, — предупредила я.

Сим убрал ладонь от морды кобылы, но обиделся все равно.

— Она полчаса стоит и не хочет выходить.

— Потому что ты полчаса тянешь ее за повод, вместо того чтобы посмотреть под ноги.

Я присела возле передней ноги Ласки и показала ему свежую зарубку на краю подковы. Гвоздь вышел наружу совсем немного, однако при каждом шаге задевал мягкий край копыта. Кобыла стояла терпеливо, пока мы разговаривали, а когда Сим попытался погладить ее между ушами, отвернула голову с таким достоинством, какого у большинства наших постояльцев отродясь не бывало.

— Зови Брана. Пусть снимет подкову, пока никто не повел ее по камням.

— Оскар велел перегнать всех четырех до обеда.

— Передай Оскару, что я разрешила ему самому надеть на ногу железку с торчащим гвоздем и походить в ней до обеда. Тогда и Ласка пойдет.

Сим рассмеялся, хотя еще минуту назад был готов спорить. Он работал у нас второй год, знал много способов завязать узел и ни одного — как вовремя признать, что лошадь умнее тебя. Я смотрела, как он убегает через двор, и думала, что через пару лет из него выйдет толковый конюх. Если, конечно, он доживет до этого, не пытаясь каждый раз воспитывать Ласку.

С утра Белый Брод пах мокрой землей и печным дымом. За садом, где осыпались последние кислые яблоки, начинался спуск к реке. Старая дорога шла мимо нашего двора к мосту, и в распутицу у нас ночевали даже те торговцы, которые обычно хвастались, будто способны ехать сутки без остановки.

В тот день в конюшне стояло двенадцать лошадей, в комнатах — четверо гостей, а в кухне Марита сушила на веревке вымытые полотенца, потому что дождь не позволял развесить их снаружи. Весь этот небольшой порядок держался на списках, которые я составляла вечером, и на людях, которые по утрам объявляли, что сегодня список выполнить невозможно.

Я выпрямилась, стряхнула солому с юбки и увидела мужа у ворот. Оскар разговаривал с возчиком, размахивая свернутым листом бумаги. Он обычно делал это, когда пытался сбить цену. Возчик смотрел на него с усталым терпением человека, которому давно известна настоящая стоимость древесины.

Заметив меня, Оскар поднял руку. Я ответила и пошла к ним, заранее приготовившись услышать, что доски опять подорожали.

— Он хочет получить деньги за весь дуб, — сообщил Оскар, едва я подошла. — Даже за то, что останется в обрезках.

— Обрезки ты собирался пустить на полки.

— Собирался. Но платить за них как за целые доски не собирался.

Возчик кашлянул.

— Госпожа Ренн, раз вы здесь, скажите ему, что я древесину не выращиваю на огороде.

Я развернула лист. Оскар начертил на нем будущую пристройку: четыре стойла, отдельную кладовую для корма и широкий проход, чтобы зимой можно было развернуть нагруженную тележку. Над стойлами он предусмотрел окно. Три вечера мы спорили, куда его поставить, и в конце концов решили, что утренний свет важнее места для второго шкафа.

— За четыре дня ты нарисовал уже третью кладовую, — заметила я.

— Вторую, — поправил Оскар. — Первая была слишком маленькая.

— А сейчас ты строишь дом для овса, в котором человек сможет жить с удобствами.

— Если с овсом поладит.

Возчик наконец улыбнулся. Мы пересчитали доски, исключили три дубовые, заменили их сосновыми для внутренней обшивки и договорились о доставке через неделю. Оскар возражал для порядка, но, когда возчик ушел, довольно сложил чертеж.

— Без тебя он содрал бы с меня еще два серебряных, — сказал он.

— С тебя он содрал бы пять. Ты слишком любишь торговаться и перестаешь считать.

— Зато женился на женщине, которая считает за нас обоих.

Он наклонился и поцеловал меня в висок, не обращая внимания на солому в моих волосах. От него пахло холодным воздухом, кожей ремня и тем душистым мылом, которое я покупала в городе лишь потому, что ему оно нравилось. Я поправила выбившийся край его воротника.

Семь лет мы прожили вместе. Привыкли заканчивать чужие фразы, ссориться из-за мелочей и мириться еще до ужина, потому что кому-то неизменно требовалось помочь с хозяйством. Не все семь лет были легкими. В первую зиму после покупки двора мы топили одну комнату и спали под двумя одеялами, а на третью весну едва не потеряли конюшню из-за больных лошадей. Оскар тогда три ночи подряд сидел со мной возле заболевшего жеребенка. Он не умел ничего делать с лихорадкой, зато приносил горячую воду, когда я просила, и не говорил, что пора оставить бесполезные хлопоты.

Мне нравилось вспоминать ту весну. Особенно когда муж начинал утверждать, будто он всегда был человеком здравого смысла.

— Ты обещал сегодня починить засов на садовой калитке, — напомнила я.

— После обеда.

— Вчера ты сказал то же самое.

— Значит, у меня постоянные намерения. Это достоинство мужа.

— А у калитки постоянная щель. Через нее куры ходят к соседям.

Оскар рассмеялся, поймал меня за руку и на секунду прижал пальцы к губам. Потом его позвала Марита: в верхней комнате опять потекло вокруг оконной рамы.

— После ужина починю, — сказал он уже на ходу.

— Засов или окно?

— Оба. А завтра поедем к реке. Если не будет дождя.

Мы несколько недель собирались выбраться на верхний берег без гостей, расчетов и ведер. Там, среди старых ив, продавали жареные каштаны, когда торговцы возвращались с осенней ярмарки. Я хотела провести с мужем хотя бы один вечер, в который нам не придется обсуждать крышу. Он обещал, что мы возьмем каштаны, а потом посмотрим, где весной можно будет посадить две груши.

— Возьми теплый плащ, — добавил Оскар. — В прошлый раз ты упрямилась, а кашлял потом за тебя я.

Он ушел в дом, и я еще немного стояла с рукой, которую он только что целовал, пока Ласка не застучала копытом в стойле, напоминая о делах.

К обеду ветер усилился. С реки потянуло холодом; дым из кухонной трубы начал стелиться по крыше. Бран заменил подкову, Сим перегнал лошадей в сухие стойла, а я проверила кормушки и велела перенести запасные попоны из старого сарая. Дальняя часть конюшни была пристроена еще при прежнем владельце двора. Там хранили сбрую, сухой овес, несколько тюков сена и старую тележную ось, которую никто не решался выбросить. Мы давно собирались разобрать перегородки и сделать помещение удобнее.

— До первого снега не успеем, — сказал Бран, когда я в очередной раз зацепилась юбкой за выступающий гвоздь.

— Успеем, если Оскар перестанет чертить кладовые и возьмет молоток.

— Это ему передать дословно?

— Непременно. И покажи, откуда торчит гвоздь.

Бран кивнул, но гвоздь так и остался на месте: нас позвали разгружать муку. Под вечер я вспомнила о нем и отыскала клещи. Хотела убрать сама, однако Марита подняла из кухни такой крик из-за подгоревшего пирога, что пришлось сначала спасать ужин.

Гроза пришла, когда гости уже сели за стол. За окнами темнело быстро, почти по-зимнему. Я ходила между столами, проверяла, всем ли хватило хлеба, и слушала, как двое торговцев спорили о состоянии дороги через перевал. Один клялся, что там уже лежит снег, другой уверял, что до середины следующего месяца можно пройти без всякой беды.

Оскар сидел за их столом, подливал пиво и расспрашивал о ценах в Ольденской долине. Ему нравились дорожные новости. Я иногда говорила, что он мог бы отправиться с одним из обозов и перестать мучить путешественников вопросами, но он всегда отвечал, что не оставит меня один на один с нашим хозяйством.

Потом ударил гром. Стекла задрожали, со двора донеслось тревожное ржание. Я поставила кувшин на стол и вышла под навес проверить лошадей.

Дождь хлестал по крыше крупными косыми струями. От ворот до конюшни было всего два десятка шагов, но я успела промокнуть до локтей, пока добежала. Ласка стояла у своей перегородки с прижатыми ушами. Я погладила ее по шее, услышала, как она шумно выдохнула, и уже собиралась возвращаться, когда увидела Оскара возле дальней пристройки.

Он шел вместе с Браном и Симом. Все трое несли фонари, прикрыв огонь жестяными заслонками.

— Что случилось? — крикнула я.

— На чердаке течет! — ответил муж. — Проверим, чтобы корм не залило.

— Оставь до утра!

— Там свежий овес, Марта. Я только гляну и вернусь.

Я хотела возразить, но он уже скрылся за дверью. Бран пошел следом, Сим замешкался, подбирая упавший крюк. Я решила, что после дождя мы всерьез поговорим о том, почему люди, которые умеют считать деньги, так охотно рискуют шеей ради мешка овса.

Еще одна молния осветила двор. На миг я увидела каждую мокрую доску, серебристую воду в колее, темные стволы яблонь за оградой. Потом над самой крышей раздался треск — не похожий на гром, более близкий и сухой.

По коньку дальней пристройки пробежал синий свет. Где-то внутри хлопнуло. Из-под кровли вырвался клочок черного дыма.

Я не сразу поняла, что произошло. Посмотрела на крышу, затем на приоткрытую дверь и увидела, как из щели потянулась тонкая рыжая полоска. Огонь нашел сухое сено под досками быстрее, чем дождь добрался до него снаружи.

— Оскар! — закричала я. — Выходите!

Изнутри ответил шум падающих досок. В конюшне забили копытами лошади. Я распахнула ближнюю дверь. Сим пытался пролезть под упавшей поперечиной, но мокрая куртка зацепилась за торчавший гвоздь. Я ухватила его за ворот и вытянула наружу. Он откашлялся и показал в сторону кладовой.

— Они там! Бран с хозяином! Балка упала!

— Беги к колодцу. Зови всех, кто в доме. И не возвращайся под крышу!

Он бросился через двор. Я схватила ведро с водой возле стойла, хотя сразу понимала, что этого мало. Когда я плеснула воду в дверной проем, пар ударил в лицо. За перегородкой что-то грохнуло, и я услышала голос Оскара.

— Марта! Не сюда! Дверь заклинило!

Внутри, за старой кладовой, оставался узкий выход во двор, но он был загорожен рухнувшей поперечной балкой. Я увидела сквозь дым плечо Брана и руку мужа, который пытался поднять что-то вместе с ним. Второй выход, со стороны сада, давно заколотили досками: зимой через него задувало снег.

— Сим выбежал, — крикнула я. — Вы оба там?

— Оба! Отойди!

Бран закашлялся так сильно, что не смог договорить. Пламя поднялось по стене, лизнуло сухие перекладины. Я обежала пристройку со стороны сада. Доски, которыми закрыли старый выход, были прибиты внахлест. В обычный день их можно было снять ломом, и я кинулась за инструментом. Клещи, забытые мною возле перегородки, лежали внутри. Я нашла на земле обломок железного крюка, подсунула его под нижнюю доску и потянула.

Гвозди не поддались. Я уперлась ногой в стену и потянула еще, содрав кожу на ладони. Изнутри донесся удар, затем голос мужа:

— Мы здесь! Марта, уходи! Крыша сейчас рухнет!

Он говорил со мной так, как говорил всегда, когда надо было срочно отвести кобылу от открытых ворот или успеть закрыть плотину у мельницы. Только теперь за его словами слышался страх, которого я прежде не знала.

Я попробовала сдвинуть вторую доску. Крюк выскользнул и ударил меня по пальцам. Огонь уже потрескивал над головой; в щелях садовой стены показался желтый свет. Стало трудно вдохнуть. Я отступила, чтобы набрать воздуха, и увидела, как над дверью пошла трещина. Тяжелая обгоревшая перекладина сорвалась с крепления и рухнула поперек прохода, едва не задев меня.

Обратная дорога оказалась завалена. Слева горела стена, справа поднималась старая кладка, за спиной лежало бревно, которое я не могла сдвинуть руками. Из щели над ним шел такой жар, что слезы сразу высыхали на щеках.

На мгновение я перестала думать о муже. Я испугалась за собственную жизнь. Я пыталась найти место, куда можно поставить ногу, и не находила. Горло обжигало. В ушах шумело, а за стеной кто-то отчаянно стучал по доскам.

Затем пальцы на моих руках перестали слушаться.

Я попыталась ухватиться за край бревна, но ощутила под ладонью не кожу, а что-то твердое, шершавое. Рука вытянулась вперед, плечо дернуло с такой болью, словно из него выдернули кость. Я закричала — и услышала чужой хриплый звук, от которого сама испугалась.

Ткань затрещала на спине. Меня повело вперед, колени ударились о землю, только коленей будто стало больше. Живот коснулся мокрых камней. Я чувствовала, как меняется положение каждого сустава; стоять по-прежнему уже не получалось. Огромная тяжесть за плечами расправлялась, упираясь в горящие доски.

Я не знала, что со мной происходит. Мне хотелось остановить это, но стены с обеих сторон были слишком близко, и при каждом движении что-то цепляло меня за спину. Я попробовала отползти. Вместо этого сдвинула обгоревшее бревно, которое еще недавно не могла даже приподнять.

В щели появилось место для воздуха. Я вдохнула, болезненно широко раскрыв рот. Воздух пах пеплом, мокрой глиной и чем-то резким, металлическим. Слух различал отдельные голоса сквозь треск огня. Оскар был там, за деревянной стеной. Я узнала его дыхание раньше, чем услышала слова.

Я потянулась к доскам. Перед глазами оказалась широкая лапа, покрытая серо-медными пластинками, с темными когтями. Она принадлежала мне. Другого объяснения у меня не было, но и времени ужасаться не осталось.

Доски садового выхода были старыми. Я помнила, как Бран ругался, прибивая их поверх сгнившей рамы. Теперь я уперлась плечом сбоку от проема. Дерево жалобно затрещало. Несколько гвоздей вылетели с хрустом, край стены выгнулся наружу. Я навалилась еще раз, чувствуя, как осыпается на спину горячая щепа.

Проем раскрылся не сразу. Одна длинная доска зацепилась поперек, и пришлось оттолкнуть ее лапой. Затем я увидела Брана на полу, лицом в рукаве. Оскар стоял на коленях возле него, сжимая руку обожженной тряпкой. Когда свет снаружи упал ему на лицо, он поднял голову.

Я успела обрадоваться, что он жив.

— Господи, — прошептал он.

Он попятился, задел сапогом Брана и едва не упал. Мне захотелось сказать, что это я, что выход свободен, надо только подхватить Брана под руку. Но язык не находил привычных движений, а из горла вышло глухое рычание. Оскар прижал ладонь ко рту.

— Не трогай! — выдохнул он. — Не подходи!

Я остановилась. Между нами лежал человек, который мог задохнуться, и это оказалось важнее. Я отступила к разрушенной стене, освободив проход. От большого тела было трудно понять, где кончается спина и начинаются крылья. Одно из них задело косяк. Я прижала его, насколько смогла, и сделала еще шаг назад.

Оскар словно понял. Он подхватил Брана за плечи и потащил к пролому. У самого выхода ему помогли Сим и два гостя, прибежавшие из дома. Все трое остановились, увидев меня.

— Тяните его! — закричал Оскар. — Потом смотрите!

Они выволокли Брана во двор. Я видела, как тот зашевелился под дождем, как Сим опрокинул ведро и стал поливать ему лицо, пока Марита не оттолкнула его и не велела дать человеку дышать. Внутри пристройки рухнул потолок. Пламя вырвалось через разбитую кровлю и осветило сад до самой изгороди.

Я стояла у пролома, не зная, куда деть свое тело. Мне казалось, если сделаю шаг, смету с дороги кого-нибудь из людей. Оскар оглянулся. Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами, так пристально, словно пытался убедить себя, что перед ним не то, что он видит.

Я осторожно повернула голову. Хотела подойти к нему, дать понять, что узнаю, что не собираюсь причинять вреда. Муж вскинул руку.

— Назад, — сказал он. — Пожалуйста, стой там.

За его спиной Марита прижала к груди мокрую шаль. Один из гостей снял с седла охотничий лук. Другой схватил его за локоть и что-то зашептал. Я не расслышала слов, хотя все звуки вокруг стали невыносимо четкими: скрип тетивы, капли по жестяному ведру, тяжелые вздохи Ласки в конюшне.

Я отошла. Мне пришлось протискиваться боком между яблонями, чтобы не задеть крыльями нижние ветви. Там, за оградой, оставался пустой огород, не тронутый огнем. Я опустилась на мокрую землю. Садовая калитка хлопала на ветру из-за сломанного засова. Того самого, который Оскар собирался починить после ужина.

Всю ночь возле дома носили воду. Дождь помогал тушить крышу, но внутри еще долго тлели доски. Я различала голоса людей, чувствовала запах горелого овса и каждую минуту хотела встать, чтобы помочь. Стоило шевельнуться, как чей-нибудь крик заставлял меня опускаться обратно.

Я не могла заговорить. Под брюшными пластинами билось мое сердце, а размах крыльев я пока не умела даже оценить.

Однажды ко мне приблизился Сим. Он нес покрывало, словно собирался набросить его на меня, и страшно дрожал. Я потянулась к нему мордой, стараясь показать, что узнала. Он споткнулся и сел прямо в грязь. Покрывало упало в лужу.

— Уходи, Сим, — произнес Оскар от калитки.

Парнишка вскочил и убежал. Муж остался. На его лице была черная полоса сажи; правая ладонь перевязана.

Я смотрела на него. Он стоял совсем близко по сравнению с остальными, но не подходил. Под ногами у него лежала щепка от сломанного засова.

— Марта? — позвал он тихо.

Я подняла голову.

Он смотрел мне в глаза, и я видела, как желание узнать борется в нем с ужасом. Мне хотелось придвинуться. Я сдержалась.

— Если ты меня понимаешь... не заходи во двор, — сказал Оскар после долгой паузы. — Там люди. Они боятся.

Он мог бы попросить меня моргнуть, поднять лапу, сделать что-нибудь простое. Но он лишь еще раз повторил, чтобы я оставалась за калиткой, и ушел.

Ближе к рассвету дождь ослабел. Мне становилось холодно, хотя кожа под чешуей казалась теплой. Я попробовала повернуть голову и вдруг обнаружила, что уже не помню, как в этом теле можно просто встать. Чем больше я пыталась, тем сильнее путались лапы. Крыло зацепилось за ветви, я рванулась — и услышала треск молодой яблони.

Я замерла, испугавшись нового крика со двора.

Рядом была низкая изгородь. Ее верхняя жердь отсырела и потемнела, на сучке висела паутинка, в которой задержались дождевые капли. Я стала смотреть на нее, пока мир не перестал качаться. Потом вспомнила, как отец учил меня успокаивать норовистых жеребят: сначала подыши сама, потом проси слушать тебя животное. Я медленно втянула воздух и так же медленно выпустила. Пять раз. Десять. Поток мыслей перестал рваться от одного страха к другому.

Я знала, где нахожусь. Это был наш огород. За мной остался колодец, слева росла старая груша, впереди начиналась дорога к мосту. Дома находились Оскар, Бран, Марита и Сим. Я не хотела причинять никому вреда. Я хотела, чтобы мое тело стало прежним.

Сначала заболела спина. Крылья дернулись, будто кто-то резко стянул их мокрым ремнем. Почва ушла из-под груди. Я перекатилась на бок, закрыла лицо чем-то, что опять становилось руками, и закричала уже знакомым человеческим голосом.

Когда смогла разогнуться, над деревьями серело утро. Я лежала голая, вся в грязи, с исцарапанными ладонями. Плечи ныли, как после тяжелейшей работы, волосы прилипли к шее. Издалека слышался стук молотков: мужчины разбирали обгоревшие доски.

Первым моим чувством было облегчение. Вторым — голод, такой сильный, что меня затошнило. Потом я увидела собственные руки и разрыдалась.

Это продолжалось недолго. Земля была ледяной, а плакать без всякой одежды в ноябрьском саду оказалось неудобно даже после превращения в дракона.

Я обмоталась покрывалом, которое Сим оставил возле изгороди, и направилась к дому. При каждом шаге болели плечи. Садовая калитка раскрылась от легкого прикосновения, и я невольно вспомнила, как вчера ругала засов. Мне хотелось рассказать об этом Оскару — об этой нелепой мелочи, сохранившейся посреди всего случившегося. Мы всегда умели смеяться над бедами, когда они уже оставались позади.

Муж стоял на крыльце. Он не спал, судя по лицу, и все еще носил вчерашнюю рубашку. Увидев меня, он выпрямился, затем медленно спустился на одну ступеньку.

— Ты... вернулась.

Я кивнула. Сказать сразу ничего не получилось.

— Оскар, я не знаю, как это вышло.

— Ты помнишь, что было?

— Все. И как горела крыша. И как ты вытаскивал Брана. — Я придержала покрывало. — Где он?

— Лекарка осмотрела. Надышался дымом, обжег руку, но жить будет.

Я опустила голову, стараясь не заплакать снова.

— А Сим?

— Цел. Все целы.

На слове «все» он посмотрел через мое плечо, в сторону сада. Потом сделал шаг в сторону, освобождая проход.

— Марита нагрела воды. Можешь помыться во флигеле.

— Во флигеле? — переспросила я.

— Там теплее. И люди пока... — Он запнулся. — Они не знают, чего ждать.

Я смотрела на дверь нашего дома. Еще вчера на крючке у входа висел мой зимний плащ, на кухне остывал ужин, а в нашей комнате на спинке стула лежала рубашка мужа, которую я обещала заштопать. Хотелось пройти внутрь, сесть у очага и получить хотя бы чашку чая из рук Оскара.

— Я тоже не знаю, — ответила я. — Чего ждать.

— Значит, надо сначала разобраться.

Он говорил спокойно, почти деловито. Таким голосом мы обычно принимали решение, что делать с лошадью после трудной дороги. Возразить было нечего. Только засыпать во флигеле после семи лет в нашей спальне я не хотела.

Во флигеле стояла узкая кровать, которой летом пользовались временные работники. На стуле Марита оставила чистую сорочку, шерстяные чулки и миску горячей каши. Я съела ее слишком быстро, обожгла язык и попросила добавки. Марита принесла еще одну, но в дверях задержалась, поглядывая на мои руки.

— Я не кусаюсь, — сказала я, сразу пожалев о глупой шутке.

— Не говорите так, госпожа, — отозвалась она. — Никто ведь и не думал.

Конечно, думали. И я думала тоже.

Лекарка пришла после полудня. Седая, сильная женщина по имени Дора, у которой я несколько раз покупала настои для больных лошадей. Она осмотрела мои ладони, послушала сердце, потрогала плечи и долго спрашивала, не болит ли живот. Я ответила на все вопросы. Когда Дора захотела заглянуть мне в рот, я открыла его послушнее, чем когда-либо позволяла Ласка.

— Обычное человеческое тело, — сказала лекарка наконец. — По крайней мере сейчас. Ожогов нет, кроме маленького на запястье. Кости целы.

— А что было ночью?

Она вытерла пальцы полотенцем.

— Я не берусь говорить о том, чего не знаю. В горах живут обращенные, но за сорок лет моей практики здесь никто подобного не показывал. Нужен человек, который разбирается в них лучше меня.

— Можно узнать, где его найти?

— Можно, если понадобится. Пока тебе нужны еда и сон.

На выходе она встретила Оскара. Они остановились за дверью, и я услышала, как муж тихо спросил:

— Это повторится?

— Не знаю.

— А можно сделать так, чтобы не повторилось?

Дора ответила не сразу.

— Ты спрашиваешь меня о лекарстве от природы, которой я никогда не лечила. Найди сперва человека, который понимает, с чем имеет дело.

Я ждала, что Оскар зайдет обратно. Он не зашел.

Следующие три дня я прожила во флигеле. На второй день Марита принесла мои платья, гребень и шкатулку с нитками. Я спросила, кто ее послал, но она так старательно складывала

вещи, что ответа не потребовалось. Дом стоял в двадцати шагах, и все же мне было труднее попасть туда, чем в любой город за перевалом. Утром я выходила посмотреть на животных. Некоторые лошади шарахались от меня, особенно Ласка, которая никогда прежде не боялась моего голоса. Я стояла возле ее стойла, пока она переставала метаться, потом медленно протягивала ладонь. Кобыла обнюхивала ее и снова отступала. С этим я могла что-нибудь сделать: у нас было время, а привычка не исчезает за одну ночь.

С людьми оказалось труднее.

Бран, которому я принесла чистые повязки, взял их и поблагодарил меня. Он не пытался уйти, но после разговора осторожно спросил, собираюсь ли я опять становиться драконом.

— Не собираюсь, — ответила я. — Я и первый раз не собиралась.

— Да, — произнес он, глядя на забинтованную руку. — Потому и спрашиваю.

Я не обиделась. У Брана было право бояться. Он смотрел на меня той ночью снизу вверх, лежа возле огня, и едва не задохнулся. Но когда на следующее утро я обнаружила, что мое место за общим столом заняла корзина с чистым бельем, оказалось, что к такому страху я готова куда меньше.

Оскар приходил ежедневно. Он приносил счета, спрашивал, где лежит запасной ключ от зерновой кладовой, сообщал, сколько сена уцелело. Иногда привычно начинал спор, как раньше, но обрывал себя посередине и смотрел на мои руки. Словно ждал, что пальцы изменятся у него на глазах. Однажды он потянулся к моей чашке, чтобы долить чая, как делал всегда. Потом посмотрел на край, которого я касалась губами, и отодвинул чашку двумя пальцами. Мы оба сделали вид, будто он всего лишь освобождает место для счетов.

На второй вечер я заметила на его воротнике нитку и по привычке потянулась убрать. Оскар перехватил мое запястье, прежде чем я успела коснуться ткани. Не больно, но так резко, словно защищался от удара. Затем выпустил руку и попятился, задев стоявший рядом табурет.

— Прости, — сказал он, пока я ставила мебель на место. — Я не хотел.

— Ты испугался меня.

— После той ночи это странно?

— Нет. Странно, что ты все время говоришь со мной так, будто я могла выбрать другое.

Он сел напротив, опустил голову. Правая ладонь была перевязана, и я по привычке спросила, не слишком ли туго. Оскар посмотрел на бинт и вдруг улыбнулся. Улыбка вышла такой знакомой, что у меня болезненно сжалось горло.

— А помнишь, как ты мне руку перевязывала после того, как я полез чинить мельничное колесо? — спросил он.

— Помню, как ты уверял, будто пальцы заживут сами, лишь бы не платить лекарю.

— Ты тогда три дня называла меня бережливым дураком.

— Четыре. На четвертый ты снова полез к колесу.

Мы рассмеялись. Он даже протянул ко мне ладонь, будто хотел коснуться, но остановился, не дотянувшись до края стола. На секунду мне показалось, что если я подожду, он все-таки решится.

Оскар опустил руку на колено.

— Марта, у нас постоялый двор. Сюда приезжают люди с детьми. Ты понимаешь, что они будут говорить, если узнают?

— Они уже знают. Полдвора видело меня.

— Пока никто не болтает. Я попросил.

— А что мне делать?

— Побудь здесь. Мы найдем кого-нибудь, кто поможет.

— Поможет мне научиться обращаться?

Он посмотрел в сторону окна.

— Поможет избавиться от этого.

Я не сразу нашла ответ. В комнате было очень тепло; на печи сохли мои чулки, на подоконнике стояла чашка с недопитым отваром. Вещи были привычными. Лишь слова мужа никак не укладывались среди них.

— Ты не знаешь, можно ли от этого избавиться, — сказала я.

— Значит, узнаем.

— А если нельзя?

— Не торопись. Не надо сейчас думать о худшем.

Он поднялся, обещал прийти утром и ушел раньше, чем я успела сказать, что для меня худшее уже случилось: я сидела в чужой комнате и боялась коснуться собственного мужа.

На четвертый день дождь закончился. Над огородом поднялся туман, из которого торчали черные сучья яблонь. Обгоревшую пристройку разобрали до крепких стоек. Оскар ходил среди работников, измерял уцелевшую древесину и записывал расходы. Я видела его из окна и по-прежнему могла угадать по наклону головы, чем он недоволен.

Я оделась и вышла помочь считать новые кормушки. Дело было мне знакомо, и к полудню я почти убедила себя, что все еще способна вернуть хотя бы часть прежнего порядка. Мы разложили доски, нашли недостающие крепления, договорились, какие лошади переедут в ближнюю конюшню.

Когда пришла Марита звать на обед, Оскар тихо попросил ее накрыть мне во флигеле.

— Почему? — спросила я, хотя знала ответ.

Он дождался, пока служанка уйдет.

— Сегодня приехали двое новых гостей. Им не нужно знать наши дела.

— Я могу есть на кухне. Там никого постороннего нет.

— Марта, давай пока без споров.

— Я живу в этом доме семь лет. Что именно ты хочешь от меня скрыть?

Он провел перевязанной ладонью по лицу. Рана почти зажила, на пальцах остались только красные полосы.

— Не кричи. Люди слышат.

Я говорила обычным голосом. Но стоило ему попросить тишины, как мне захотелось кричать в самом деле.

— Я ничего не сделала этим гостям.

— Ты не можешь этого обещать.

Он произнес слова негромко и, похоже, считал их разумными. Я посмотрела на доски у наших ног. На одной еще оставалась карандашная отметка будущей кладовой. Я сама ставила ее позавчера утром — до пожара, до драконьего тела, до того, как муж стал отодвигаться от меня, когда я подходила слишком близко.

— Ты ведь видел меня там, у стены, — сказала я. — Я ждала, пока ты вытащишь Брана. Я не тронула тебя.

— В тот раз.

— В тот раз я знала, что делаю. Не все, но главное. Я знала тебя.

— А если в следующий раз не узнаешь?

Впервые он произнес то, чего боялся. Я могла понять этот страх. Мне самой было страшно представить, что однажды я окажусь среди людей, которых люблю, и не сумею управлять ни лапами, ни крыльями. Я не хотела утешать Оскара ложью, но и соглашаться, что опасность уже делает меня чужой, не могла.

— Тогда мне нужно научиться, — сказала я. — Найти того, кто знает, как это работает. Дора говорила, что в горах живут обращенные. Я могу поехать к ним.

— Ты хочешь уехать?

— Я хочу вернуться сюда и жить с тобой так, чтобы мы оба понимали, чего ждать.

Оскар долго молчал. Потом отложил карандаш и сказал, что вечером нам надо поговорить без работников.

Мы встретились в гостиной после ужина. Я вошла через заднюю дверь, потому что не хотела спорить с ним на глазах у постояльцев. В очаге горели сухие поленья. На столе лежал сложенный лист с чертежом пристройки; Оскар аккуратно убрал его в сторону, когда я села.

Он выглядел измученным. За эти дни у него осунулись щеки, под глазами пролегли тени. Я все еще любила его. Это было обиднее всего, потому что я успела решить, будто любовь должна хоть как-то облегчать разговор.

— Я ездил к городскому писарю, — начал Оскар. — У него есть знакомый, служивший на горной заставе.

— Ты искал мне наставника?

— Я узнавал, какие существуют способы обезопасить дом. Он сказал, обращенных иногда держат под наблюдением, пока не становится ясно, что они могут себя контролировать.

— Под наблюдением где?

Оскар отвел глаза.

— В специальных помещениях. Я не знаю подробностей.

— Ты спрашивал, можно ли меня туда отправить?

— Я спрашивал, что делают в таких случаях. Не перекручивай.

Он говорил с усталым раздражением, и я вдруг ясно представила, как последние дни он ходил от одного человека к другому, объясняя, что с его женой случилось несчастье, а потом выслушивал советы, не пригласив меня ни на один разговор.

— Что еще тебе посоветовали?

— Есть средства, после которых обращение не происходит. Может быть, на какое-то время. Может быть, навсегда. Нужно выяснить, где их берут.

— Средства? Какие? Кто их проверял?

— Я не лекарь, Марта. Я пытаюсь найти выход.

— И ты все эти дни не спросил, хочу ли я принимать неизвестное средство.

Оскар встал, обошел стол и остановился возле очага. В свете огня его лицо было таким же, как в сотни прежних вечеров. Только прежде он подходил ко мне, когда мы ссорились, а теперь будто нарочно оставлял между нами мебель.

— Я боюсь, — сказал он. — Ты хочешь, чтобы я признал? Да, я боюсь. Я видел, как вместо тебя возле сада стояло огромное существо. Оно проломило стену, будто та была из глины. Я не знал, что оно сделает в следующую секунду.

— Но оно вытащило вас из огня.

— Ты вытащила нас. Я понимаю. И благодарен тебе за это.

Он потер лицо руками, заставил себя посмотреть на меня.

— Только после всего я не могу закрыть глаза и сделать вид, что ничего не было. Когда ты спишь, я буду думать, не проснешься ли ты другой. Когда кто-нибудь разозлит тебя, я буду ждать, что снова начнется это... Я не хочу так жить.

Мне нечего было ответить сразу. Я тоже не хотела жить в постоянном ожидании беды. Я хотела узнать, почему со мной случилось превращение и что теперь умеет мое тело. Вдруг в долине действительно найдется человек, способный объяснить. Вдруг я научусь возвращаться вовремя и не задевать крылом деревья. Вдруг Оскар сможет опять взять меня за руку, не заставляя себя.

— Я поеду к обращенным, — сказала я наконец. — Узнаю все, что можно. Но ты должен позволить мне самой решать, как с этим жить.

— Я не могу просто позволить тебе пробовать превращаться здесь, среди людей.

— Я не говорю, что стану делать это во дворе.

— Тогда пообещай, что не станешь вообще.

Я посмотрела на него.

— Что?

— Пока мы вместе, пока ты живешь в этом доме, пообещай, что этого больше не будет. Ни при каких обстоятельствах. А если нужно лекарство — мы найдем его. Я готов заплатить сколько потребуется.

Он говорил искренне. Он действительно готов был потратить деньги, ехать в другой город, искать редкие снадобья, лишь бы вернуть женщину, на которой женился. Я знала это по тому, как крепко он сжал край стола, по напряженному лицу, по тому, что впервые за несколько дней он смотрел прямо мне в глаза.

Если бы я произнесла нужные слова, он, вероятно, позволил бы мне вернуться в спальню. Мы могли бы снова есть за одним столом и обсуждать новые стойла. Он бы старательно не вспоминал о случившемся, пока однажды я не оказалась бы перед огнем или другой опасностью. Тогда обещание превратилось бы в обвинение, а спасение — в очередную вину.

— Я не умею это останавливать, Оскар, — сказала я. — Я даже не знаю, что вызывает перемену. Как я могу обещать, что она не повторится?

— Ты можешь обещать, что сделаешь все, чтобы этого не было.

— Я сделаю все, чтобы никому не причинить вреда. Но обещать никогда не становиться драконом не буду.

Он отвел взгляд к очагу. Я ждала, что он рассердится, станет спорить, назовет меня упрямой. Мы хотя бы остались бы в привычном разговоре, где оба еще старались убедить другого.

Но Оскар лишь спросил:

— Даже ради нас?

Я вспомнила его губы у моего виска, чертеж новой кладовой, поездку за каштанами, до которой мы так и не добрались. Вспомнила, как он протянул руку над столом во флигеле и остановился, не дотронувшись. Все это было настоящим, и оттого отказ давался мне труднее.

— Не проси меня обещать то, чего я не знаю, — ответила я. — Я твоя жена. Я хочу остаться ею. Но я не могу притворяться, будто той ночью меня не было.

Оскар смотрел на огонь.

— Тогда тебе пока лучше жить отдельно, — сказал он. — Я не могу пускать тебя в дом, когда не знаю, что случится завтра.

Оскар ждал моего согласия. На столе лежал чертеж, и я узнала выражение, с которым он обычно объявлял, где будут новые стойла. Только теперь речь шла не о стойлах.

Я поднялась. На спинке стула висел мой старый шерстяной платок. Я сама повесила его туда еще до пожара, и он оставался на месте все эти дни. Взяла платок, расправила сбившуюся бахрому и сложила вдвое.

— Я переночую во флигеле, — сказала я. — Завтра нам придется решить, что делать дальше.

Оскар сделал движение ко мне, но остановился. Я вышла через гостиную, мимо чертежа пристройки, и притворила за собой дверь.

Во дворе пахло сырой древесиной. От старой конюшни остались стойки и черные обломки досок. Над рекой расползался туман. Где-то за садом скрипела незапертая калитка, и я подумала, что утром надо будет попросить Сима починить ее. Потом вспомнила, что больше не знаю, могу ли распоряжаться здесь даже такой мелочью.

Я стояла на ступеньках, пока холод не пробрался под одежду. В волосах опять нашлась зола. Я стряхнула серые крупинки на мокрые доски и пошла к флигелю.

Глава 2. Мера овса

Утром я обнаружила, что во флигеле не на чем вести счета.

Стол был, бумага тоже нашлась, но чернильница стояла с такой пересохшей пробкой, что я сломала ноготь, пытаясь ее открыть. В ящике лежали три затупившихся пера, кусок веревки и медный ключ от давно разобранного замка. Я рассматривала это богатство и почему-то злилась сильнее, чем вчера, когда Оскар велел мне жить отдельно.

В нашем доме у окна гостиной стоял широкий стол с выдвижной полкой. На ней хранились заточенные перья, песочница, тетради доходов и расходов и маленький плоский камень, которым я прижимала бумаги, когда открывала окно. Оскар вечно уносил камень к себе, если на столе появлялись чертежи. Я возвращала его на место, а муж говорил, что без моего камня дом, пожалуй, рухнет раньше пристройки.

Теперь мне действительно требовалось составить список имущества. Нельзя же уходить из семи лет жизни, взяв только гребень и две смены белья.

Я оделась теплее, спрятала в карман лист бумаги и вышла во двор. После грозы холод пробирался даже сквозь плотную шерсть. Бран с Симом натягивали новый тент над обгоревшей частью конюшни. У калитки лежали свежие доски; кто-то наконец починил засов.

— Ты поставил его? — спросила я у Сима.

Парнишка вздрогнул, хотя я подошла по дорожке и не пыталась его напугать.

— Хозяин велел. Сказал, чтобы до обеда управился.

— Хорошо сделал.

Сим посмотрел на руки, которыми я держала полы плаща. Пальцы у меня были обычные, исцарапанные, с коротко подстриженными ногтями. Я спрятала их глубже в рукава, и от этого стало только неловче.

— Ласке подкову проверили? — спросила я.

— Проверили. Она теперь на переднюю ногу не жалуется.

Он немного помолчал и добавил:

— Я тогда покрывало у огорода оставил. Оно было старое. Мне не надо, чтобы вы отдавали.

— Я знаю, Сим. Спасибо.

— Мать его когда-то мне сшила, — вырвалось у него. Он тут же покраснел. — Я не потому сказал. Просто если оно вам еще нужно...

Я не стала объяснять, что завернулась в него в самую страшную ночь своей жизни и теперь не могла смотреть на него без дрожи. Спросила, не возражает ли он, если я выстираю покрывало и верну в сухом виде. Сим с облегчением кивнул.

В доме пахло поджаренным хлебом. За кухонным столом Марита чистила морковь, пока в котле доходила крупа. Она подняла на меня глаза и осторожно улыбнулась.

— Вам завтрак отнести?

— Я уже поела. Мне нужны книги за прошлый год. Они в нижнем ящике стола.

— Господин Ренн велел ничего не трогать, пока сам не разберется с расходами после пожара.

Я смотрела на нее, не понимая, почему слова задели так сильно. Марита не возражала мне, только передавала распоряжение. Я сама требовала от работников не переставлять бумаги без спроса. Но впервые за все время жизни здесь кто-то говорил мне о книгах нашего хозяйства так, будто я посторонняя.

— Ты давно с нами работаешь? — спросила я.

— Четвертый год пошел.

— Тогда знаешь, что в синей тетради записан овес, а в красной долги торговцев. Я возьму обе и предупрежу Оскара. Не беспокойся.

Она отложила нож.

— Марта, я не хотела...

— Знаю.

Мы посмотрели друг на друга. Марита всегда обращалась ко мне по имени, когда мы оставались вдвоем. От ее смущения стало стыдно за свою резкость.

— Скажи лучше, кто теперь раздает корм по вечерам.

— Бран. Вчера Сим недосыпал в третью кормушку, так Ласка ему всю стену обстучала.

— Она и мне стучала, когда я обманывала ее меру. Дай ему мой старый совок. На нем риска возле ручки, не ошибется.

Марита кивнула и опять взялась за морковь.

Я забрала тетради из гостиной, но на пороге встретила мужа. Он шел от лестницы, застегивая жилет. Увидев книги у меня под рукой, остановился.

— Что-то случилось с расходами?

— Нет. Хочу посмотреть наши записи перед разговором у писаря.

Оскар медленно опустил руку.

— Я еще не говорил, что пойду к писарю для расторжения брака.

— Ты вчера сказал, что я не могу жить с тобой в доме. Я не хочу всю жизнь занимать флигель на правах человека, которого стыдно показывать гостям.

Он оглянулся в сторону кухни. Я тоже понизила голос, хотя в том, что говорила, не было ничего, что следовало прятать.

— Не надо решать все сразу, — попросил муж. — Я думал, мы подождем. Может быть, Дора найдет кого-нибудь из лекарей. Ты ведь сама говорила, что поедешь к обращенным.

— Чтобы научиться жить с этим, а не ждать во флигеле разрешения вернуться к ужину.

— Ты ставишь вопрос так, будто я выгнал тебя на улицу.

— Нет. У меня есть печка, кровать и завтрак. Я даже могу пользоваться водой из собственного колодца. Но за стол мне нельзя, мои вещи ты вынес из спальни, а о том, что ты собираешься делать со мной, я узнаю последней.

Оскар открыл рот, однако не нашел возражения. От этого наша ссора вдруг потеряла весь жар. Он стоял в старом коричневом жилете, который я много раз чинила возле кармана, и смотрел на тетради в моих руках.

— Ты хочешь уйти, — произнес он.

— Я хочу знать, куда мне разрешено прийти, не спрашивая, не испугаются ли меня.

— У нас ведь было хорошее время, Марта.

— Было.

Это слово оказалось тяжелее всего сказанного вчера. Он услышал его тоже. Я заметила по тому, как напряглось его лицо.

— Я не прошу тебя забыть семь лет, — сказал он.

— Я и не сумею.

Оскар провел рукой по волосам. Я увидела у его виска белую нитку, вероятно приставшую от подушки, и почти потянулась снять. Остановилась вовремя.

— Поговорим после обеда, — предложил он. — Я разберу бумаги, чтобы не спорить о каждой подкове.

— Хорошо. Только не выбрасывай записи по прошлой весне. Они понадобятся для расчета.

Он кивнул, и я ушла с тетрадями, которые еще неделю назад могла брать без всякого разговора.

До полудня я разбирала тетради. Там сохранились покупки двух жеребят, долги старого мельника, которые мы простили его вдове, и сумма, с которой началось наше хозяйство. Часть денег мне оставил отец, часть я заработала, когда помогала ему объезжать молодых лошадей. Оскар принес свои сбережения. Мы купили двор с дырявой верандой и первые две зимы считали каждую монету, прежде чем потратить ее на себя.

Между страницами нашелся черновик первой вывески. Оскар нарисовал буквы такими широкими, что мастер тогда взял плату за лишнюю доску. Я провела пальцем по карандашным штрихам и положила листок обратно. В книге были не только суммы. Но для писаря понадобятся именно суммы.

К обеду у меня заболела голова. Я вышла на ступени, собираясь крикнуть мужу, что овес лучше заказать до снегов, и только там вспомнила, что больше не обязана следить за его кормом. Пришлось сесть и переждать подступившие слезы. Потеря проявлялась не в великих клятвах, а в таких мелочах, о которых раньше я вообще не думала.

К вечеру мы договорились о расчете. Не сразу. Муж сперва предложил отдать мне деньги, которые лежали в домашнем сундуке, и оставить имущество на месте, пока он не решит, какие убытки принес пожар. Я напомнила, что сундук пополнялся и моими заработками, а ущерб мы понесли вместе. Он обиделся, будто я подозревала его в желании присвоить все деньги. Я не подозревала; мне просто требовался договор, который сохранит силу, когда мы перестанем разговаривать как муж и жена.

Мы сели за стол в гостиной и сверили книги. Я выставила итог по каждому году, он проверил поставщиков и неоплаченные счета. Несколько раз мы одновременно находили ошибки и спорили о том, кто в прошлом году разрешил торговцу отсрочку за две комнаты. Это напоминало нашу привычную работу настолько сильно, что я забывала, зачем мы сидим вместе. Тогда Оскар отодвигал от меня лист, чтобы прочесть цифру, и старался не задеть рукой мои пальцы.

Мы признали мою долю в имуществе, включая деньги, вложенные до свадьбы и часть накопленной прибыли. Сразу он мог выплатить только небольшую сумму: после пожара предстояло восстанавливать стену, покупать корм и рассчитаться с работниками. Остаток он обещал перевести тремя частями до весенней ярмарки. Я настояла на письменном обязательстве с датами и свидетельской отметкой писаря.

— Неужели ты думаешь, что я не заплачу? — спросил Оскар.

— Нет. Но я думаю, что весной ты будешь занят. А мне не захочется приезжать и просить о своем.

Он уставился в стол.

— Вот так все и заканчивается? Мы сидим, как два торговца, и считаем, кому достанется корыто?

— Корыто я тебе уступаю, — ответила я. — Оно треснуло еще летом.

Оскар невольно хмыкнул. Я тоже улыбнулась, и на короткое время мы оба стали похожи на себя прежних. Потом он протянул мне перо, положив его на середину стола, и я снова увидела, как осторожно он выбирает расстояние между нами.

На следующий день мы отправились к писарю.

В Белом Броде городские книги хранились в каменном доме у моста, между весовой и мастерской медника. Впервые я пришла туда с Оскаром в день, когда мы купили двор. Тогда шел снег, а мы ввалились в комнату в грязных сапогах, смеясь над тем, что теперь у нас есть собственное помещение с дырой в крыше и долгом на пять лет.

Писарь Леймон, пожилой человек с тонкими бровями, помнил нас. Он даже поздравил с тем, что долг за двор удалось погасить раньше срока. Потом заметил лица и перестал улыбаться.

— Совместное расторжение? — переспросил он, когда Оскар изложил просьбу.

— Да, — сказала я.

— Причина для записи?

Муж повернул голову ко мне. Леймон обмакнул перо и терпеливо ждал.

В городской книге не требовалось описывать все, что случилось. Достаточно было указать, что супруги прекращают общий дом по взаимному согласию и не предъявляют друг к другу требования продолжать брак. Я знала это. Но слова «прекращают общий дом» так точно называли происходящее, что мне захотелось попросить писаря выбрать что-нибудь другое.

— Мы больше не можем жить вместе, — произнесла я.

Леймон записал. Оскар не возразил.

Документы заняли не один час. Мы сличали имена, даты, запись о покупке имущества. Писарь нашел в старой книге отметку, где рядом стояли две подписи под договором о приобретении двора. Он развернул лист так, чтобы мы могли проверить каждую строку. Моя фамилия тогда еще была Линд; я долго смотрела на нее, вспоминая, как впервые училась писать пером, которое без конца цеплялось за бумагу.

— Какую фамилию оставить после расторжения? — спросил он.

— Линд.

Оскар посмотрел на меня, словно лишь теперь понял, что я действительно собираюсь уйти.

— Не обязательно менять, — сказал он. — Ты известна как Ренн. Поставщики, конюхи, знакомые...

— Поставщики быстро привыкают к новым именам, если вовремя платить.

Леймон кашлянул и внес запись.

Для подтверждения решения он пригласил двух городских свидетелей, которые не имели отношения к нашему двору. Они слушали заявление и не задавали вопросов, лишь поставили имена под записью. Оскар подписал первым. У него еще саднило обожженную ладонь, и последняя буква вышла ниже остальных. Я знала этот почерк лучше собственного: по нему семь лет получала товары, расписывалась в закупках, проверяла доверенности.

Когда пришел мой черед, рука на мгновение перестала слушаться. Не из-за драконьей крови. Я просто никак не могла привыкнуть к тому, что сейчас напишу имя, с которым не жила уже семь лет, и это изменит столько вещей, привыкших стоять на своих местах.

Я вывела: Марта Линд.

Писарь промокнул запись песком, поставил печать и объяснил, когда можно забрать выписки. Мы подписали расчет имущества отдельно. Он проверил суммы, попросил Оскара еще раз вслух подтвердить обязательство по трем выплатам, а меня — получение первой части после передачи денег. Ни того ни другого не интересовало, горела ли наша конюшня и что я делала среди огня. Для Леймона мы были людьми, которые разделили имущество и больше не собирались вести общий дом.

За эту безличную точность я была благодарна писарю.

На улице торговали каштанами.

Я узнала запах еще на лестнице писарского дома: сладковатый дым, горячая скорлупа и соль на грубой бумаге. Возле моста стояла жаровня, та самая, к которой Оскар обещал отвести меня на выходных. Женщина в полосатом платке ворочала каштаны маленькой лопаткой, пока двое мальчишек препирались, кому достанется самый большой.

Мы с Оскаром остановились рядом, не сговариваясь. Он посмотрел на жаровню, потом на меня.

— Помнишь, мы хотели...

— Помню.

Он купил два кулька. Продавщица торопливо пересчитала монеты и пожелала нам доброго пути, будто мы собирались куда-то вместе. Оскар протянул мне один кулек, осторожно держась за край бумаги.

— Тебе всегда нравились те, что чуть подгорели.

Я взяла. В ладонь приятно ударило тепло.

— А ты всегда выковыривал самую мягкую середину и оставлял оболочку мне, — сказала я.

— Потому что ты говорила, будто так вкуснее.

— Так и было.

Мы съели по несколько каштанов, стоя у моста. Оскар рассказал, что нашел мастера для крыши и рассчитывает закончить до первого снега. Я сказала, где в нашей старой тетради лежат размеры досок, но он уже знал. Потом он замолчал, и мне показалось, что сейчас предложит поехать с ним обратно. Не как гостье во флигель, а домой.

Вместо этого муж спросил:

— Где ты остановишься?

Я посмотрела на дым над жаровней. Еще утром я не знала ответа.

— Сегодня переночую у госпожи Тис. Она сдает комнату над пекарней. Потом решу.

— Если не найдешь работу, можешь пока оставаться во флигеле. Я не выгоняю тебя.

Он сказал это с искренней заботой. Я не сомневалась. Но возвращаться в постройку у собственного дома после того, как мы только что расторгли брак, казалось хуже любого ночлега на чужой кровати.

— Спасибо, Оскар. Не нужно.

Он скомкал пустой кулек и выбросил в корзину у моста.

— Я не хотел, чтобы все получилось так.

— Знаю.

Я не стала говорить, что и я не хотела. Не стала спрашивать, почему же он позволил всему получиться именно так. Мне представлялось, будто любая попытка выяснить это сейчас заставит нас пройти разговор заново, только с большей болью и меньшей надеждой.

Мы разошлись у угла мастерской. Оскар направился к торговым рядам, где собирался купить гвозди, я пошла вверх по улице с кулечком теплых каштанов и бумагой, на которой отныне стояла моя прежняя фамилия.

У госпожи Тис пахло дрожжами и горячим маком. Она отвела мне чистую комнату над пекарней и предупредила, что ее подмастерья с рассвета шумят так, будто роняют печь. Я ответила, что привыкла вставать еще до первых лошадей, и мы договорились о плате.

В сундуке лежали два дорожных платья, плащ, сапоги, белье, коробка с иглами и несколько отцовских книг о лошадях. Я разложила вещи и поняла, что на дорогу через горы денег хватит, если ехать не одной, а с обозом. В одиночку до долины мне не добраться: ни подходящего животного, ни проводника у меня не было. К тому же первый снег мог закрыть перевал.

Утром госпожа Тис рассказала, что у западных амбаров собирается последний осенний обоз Клары Тевен. С ним можно уехать за плату, а при умении — заработать в дороге.

— Если знаете дело, говорите сразу, — посоветовала хозяйка. — Клара не любит, когда люди сначала обещают все на свете, а потом ищут оправдания.

Я взяла кусок хлеба, документы и пошла к амбарам. До этого утра мне ни разу не приходилось искать работу в городе, где меня знали как хозяйку собственного двора.

Западные амбары стояли за городской стеной, там, где дорога расходилась к мельнице и старому карьеру. Утром туда съезжались телеги с мешками муки и солью, а к вечеру на площади оставались следы колес, просыпанное зерно и собаки, рассчитывавшие найти что-нибудь съедобное.

Обоз Клары я узнала сразу. Не по названию на борту: никакой вывески не было. Просто у пяти повозок стояли люди, которые совершенно не собирались уступать друг другу место. Одни затягивали тенты, другие спорили из-за ящиков, третьи переносили домашние вещи из

двух небольших фургонов. На самом краю площади женщина в ярко-зеленой шали пыталась пристроить к грузу плетеную детскую колыбель. Возница уверял, что от ее затеи пострадают все остальные вещи, а женщина отвечала, что без колыбели она никуда не поедет. Рядом мальчик лет восьми сидел на перевернутом ведре и ел яблоко с таким сосредоточением, будто вокруг ничего не происходило.

У первой повозки стояла высокая женщина с темными волосами, собранными под платком. Сорок девять лет я дала бы ей не по лицу, а по тому, как свободно она распоряжалась пространством: не повышала голос, не суетилась, однако люди один за другим подходили к ней с вопросами и уходили, получив ответ. Она держала небольшой счетный шнур с костяными бусинами. Каждый раз, когда ей называли новый груз, передвигала одну из них и смотрела на тетрадь.

— Клара Тевен? — спросила я.

Она подняла глаза.

— Если собираетесь жаловаться на место в третьей повозке, сначала покажите расписку. Я уже трижды объясняла, что сундук с книгами не повезет над головой младенца.

— У меня нет места в третьей повозке. Я ищу работу.

— В городе или в дороге?

— В обозе. Умею обращаться с лошадьми, чинить сбрую, вести расход корма и не терять чужих денег.

Клара перестала двигать бусины.

— У меня есть возницы.

— Я вижу.

— Тогда зачем пришли?

— Потому что они заняты грузом, а у крайней лошади на передке кровь на подплечнике. Если сейчас не снять эту штуку, к вечеру вы получите хромое животное и возницу, который будет уверять, что все случилось внезапно.

Она медленно повернула голову.

Повозка стояла за двумя фургонами, наполовину скрытая тентом. Впряженная в нее темно-гнедая кобыла беспокойно переступала с ноги на ногу. Под кожаным ремнем на груди виднелось мокрое красноватое пятно. Я заметила его еще при входе на площадь: такой след плохо скрывается на светлой шерсти.

— А подойти к животному не пытались? — спросила Клара.

— Нет. Оно чужое. Сначала спросила хозяйку.

Клара смотрела на меня еще пару секунд, затем позвала:

— Терен! Кто у нас сегодня привязал Вишню к четвертой повозке?

Из-за груды мешков вышел широкоплечий мужчина с седой бородой и коротко остриженными волосами. Ему было уже за пятьдесят, но он двигался без той осторожности, с какой иногда ходили люди, привыкшие говорить о старости чаще, чем работать.

— Я ее привязал, — сказал он. — А что?

— Женщина говорит, ты натер ей грудь.

Терен взглянул на меня и поднял брови.

— Женщина давно с нами едет?

— Еще никуда не едет, — ответила я. — Но кобыла уже хочет уйти без вас.

Он посмотрел на Вишню. Лошадь дернула головой и едва не задела его поводом.

— Она вчера как проклятая стояла, — проворчал Терен. — С самого утра. Норову в ней больше, чем овса.

— Сколько вы вчера прошли?

— От нижнего склада сюда, может, четверть мили.

— И она так вспотела после четверти мили?

Терен не ответил. Я попросила разрешения осмотреть ремень и подошла сбоку, не прямо перед мордой. Вишня раздула ноздри и отступила. Мне стало неловко перед этими людьми; раньше лошади быстро понимали, что я не стану дергать их без нужды, а после пожара даже чужие иногда встречали меня с подозрением.

Я остановилась и дала кобыле рассмотреть меня. Она фыркнула, вытянула шею, принюхалась к воздуху. Я не стала лезть руками ей под морду. Попросила Терена придержать повод, а сама осмотрела ремень с безопасного расстояния.

— Кто смазывал эту упряжь?

— Я. Еще на прошлой неделе.

— А кто ее чинил?

Он насупился.

— Мой зять. Мастер он хороший, если не спешит.

— Возможно. Только иглу он держит слишком близко к краю кожи.

Подплечник оказался подшит с внутренней стороны коротким жестким стежком. Кожа после дождя разбухла, и край шва выступил, как маленькая пила. При каждом шаге он тер лошадь в одном и том же месте. Вишня могла терпеть, пока стояла без груза. Стоило повозке потянуть назад, боль усиливалась.

— Вот здесь, — показала я Кларе. — Надо отпороть кусок и положить мягкую подкладку. Дальше доедет спокойно.

— Сколько займет?

— Если у вас есть шило и нитка, меньше часа. Если нет, куплю в лавке. Но сперва рану надо промыть и дать ей обсохнуть.

Клара перевела взгляд на Терена.

— Воды принеси. И не делай вид, что она тебя оскорбила. Кобыла в споре не участвует.

Он ушел за ведром, бормоча что-то о слишком умных людях, и вернулся с чистой водой. Я начала расстегивать ремень. Вишня опять отступила, но на этот раз спокойнее. Клара следила за нами, не вмешиваясь.

— Назовитесь, — сказала она, когда я сняла подплечник.

— Марта Линд.

— Из Белого Брода?

— Да.

— Чья дочь?

Я назвала имя отца. Клара чуть прищурилась.

— Он держал пару жеребцов для городских перевозчиков?

— Держал. Один рыжий с белой отметиной на лбу. Не любил людей с длинными полами плаща.

— Помню. Кусал за локоть, если близко подходили.

— Только тех, кто считал нужным ударить первым.

Клара неожиданно улыбнулась.

— Значит, вы дочь того самого Линда. О вас рассказывали, что вы могли уговорить упрямого мула идти в воду.

— Мула я обманула хлебом. А воду он и без меня любил, просто не любил мост.

— Хорошо, что не собираетесь делать из этого подвиг.

Она присела, осмотрела шов и встала.

— Работа у меня найдется. Но сначала ответьте, почему вы уходите из Белого Брода в такую пору? До перевала скоро снег. За красивые виды сюда не нанимаются.

Вот и пришло время говорить то, что я заранее пыталась подобрать по дороге.

— Я рассталась с мужем. Хочу добраться до Ольденской долины и там найти работу. Денег на отдельный проезд у меня хватает, но не настолько, чтобы сидеть в повозке, пока другие люди занимаются лошадьми.

— Муж не станет приходить и требовать вернуть вас?

— Не станет. Брак расторгнут у писаря.

— С детьми едете?

— Нет.

— Хворь есть? В дороге чужая болезнь обходится дорого.

Я почувствовала, как тесно стал сидеть воротник.

Вспомнился сад после пожара, железный запах дыма, лапа, на которой блестели медные пластинки. Если бы я рассказала Кларе, что несколько дней назад была драконом, наверное, женщина тут же велела бы увести меня с площади. Я бы поняла ее решение. Но тогда не было бы ни работы, ни дороги к людям, которые могли мне помочь.

— После пожара я перенесла странную болезнь, — ответила я. — Лекарка не нашла ничего заразного, но предупредила, что какое-то время могу быстро уставать. Я не стану обещать вам, что могу работать без сна. Если буду слаба, скажу заранее.

Это была часть правды, и оттого произносить ее оказалось неприятнее, чем обычную ложь.

Клара постучала ногтем по дереву повозки.

— После пожара у вас во дворе?

— Да.

— Слышала, у вас крышу молнией разнесло.

— Старую пристройку. Главный дом цел.

— Хорошо. Пока другого ничего не слышала.

Я не знала, что означают последние слова. Она не стала требовать подробностей, зато сразу изложила условия.

Обоз шел в Ольденскую долину последним большим рейсом. Пять повозок, не меньше двадцати людей, дети, две пожилые женщины, несколько торговцев, которые заплатили за места, и семья с домашним скарбом, решившая остаться в долине насовсем. Клара везла соль, железные инструменты, сукно и мелкие товары для горных поселков. На дороге часть людей должна была платить за корм своим животным, часть получала его из общего запаса.

— Мне нужен человек, который будет вести записи по корму и следить за упряжками, пока возницы заняты дорогой, — сказала Клара. — Свою лошадь я доверю тому, кто сперва заметил беду, а потом спросил разрешения подойти. Жалованье за дорогу, питание и место для сна под общим тентом. Первая выплата после недели, остальное в долине. За ненужную смелость и опоздания не плачу.

Я спросила, сколько животных в обозе, сколько планируется ежедневных переходов и кто решает, когда делать остановку. Клара отвечала охотно, но на последнем вопросе показала через плечо.

— Тут у нас для дороги отдельный человек. Он выбирает путь и распоряжается охраной. Ему виднее, когда на склоне лучше не спорить с погодой.

— А если он велит гнать лошадь с больной ногой?

— Тогда вы придете ко мне, — сказала Клара. — И мы оба узнаем, почему он решил гнать хромую лошадь.

Мне понравился ответ. Я попросила немного увеличить плату, раз на мне будет еще и учет корма. Она согласилась после короткого торга и заявила, что если я стану каждый день пересчитывать мешки так же усердно, как сегодня торгуюсь, дорога у нас пройдет без потерь.

— Когда выходите?

— Через три дня, перед рассветом. Вернее, если все успеют. А если не успеют, выйдем без тех, кто проспал.

Я уже собиралась спросить, могу ли взять с собой книги и небольшой сундук, когда к повозке подошел мужчина в темной дорожной куртке. Он нес свернутую карту и мешочек с каким-то металлическим крепежом. Высокий, широкоплечий без лишней тяжести, с короткими темными волосами и светлой полосой седины у виска. Нос у него был когда-то сломан и сросся не совсем ровно. Эта небольшая неправильность делала лицо жестче, но не отталкивала. Он держался спокойно, хотя вокруг кричали грузчики и кто-то ругался из-за потерянного колеса.

— Клара, у северного моста уже два воза ждут ремонта, — сказал он. — Если выведем всех сразу, потеряем половину утра. Пусть первые две повозки пройдут перед остальными.

— Еще не вышли, а ты уже делишь людей на первых и последних, — ответила Клара. — Знакомься. Марта Линд, будет помогать с лошадьми. Северин Вард, начальник охраны. Ему положено подозревать любую телегу в намерении свалиться с моста.

Мужчина посмотрел на меня. Взгляд скользнул по моей сумке, затем по снятой упряжи в руках Терена. На людях он задерживал внимание коротко, будто привык замечать важное с первого раза. Мне это не понравилось, хотя я сама часто так смотрела на лошадей.

— У нас новый работник? — спросил Северин.

— Работница, — поправила Клара. — И соображает быстрее некоторых старых.

— Понятно. Что с Вишней?

Я объяснила про шов. Северин выслушал, потом присел рядом с кобылой и осмотрел подплечник. Пальцы левой руки двигались несколько скованно; указательный и средний плохо разгибались, когда он пытался подцепить нитку. Он не стал дергать ее, а повернул ремень здоровой рукой, чтобы видеть внутреннюю сторону.

— Тут шов, — сказал он.

— Я его и показала.

— Но вчера Вишня встала и отказалась идти еще до того, как этот ремень натянули.

— Его натягивали, когда вели ее с утра. След уже старый, а шов внутри. Она помнит боль.

— Или поняла, что если упереться, ее оставят в покое.

Мне захотелось спросить, часто ли он принимает собственные рассуждения о лошадях за разговор с ними. Но при Кларе, которая еще только решила меня нанять, следовало вести себя разумно.

— Посмотрите, как она ставит переднюю ногу, — предложила я. — Когда ремня нет, вес распределяет ровно. Теперь подведите повозку и только коснитесь подплечником груди. Если отказывается еще до натяжения, может помнить боль. Если проблема в характере, реакция будет другой.

— А вы уверены, что не сделаете ей хуже проверкой?

— Я не собираюсь запрягать ее снова. Достаточно показать ремень и дать обнюхать.

Северин помолчал. Потом повернулся к Терену.

— Подержи, пожалуйста.

Мы провели проверку при нем. Вишня сперва насторожилась, как только увидела подплечник, а когда я осторожно приблизила жесткий край к месту натирания, немедленно отступила и попыталась повернуть грудь в сторону. Без ремня она позволяла осмотреть себя. Я не стала повторять опыт; единственного движения хватило.

— Упрямая, — пробормотал Терен, но уже без прежней уверенности.

— Она умная, — сказала я. — Запомнила, где больно.

Северин оглядел ее передние ноги, потом снова взял ремень.

— Ладно. Меняем подкладку. Сегодня Вишню больше не запрягать, пока не подживет. И проверьте остальные, если шили тем же способом.

Я ожидала, что он начнет объяснять, почему это вовсе не моя победа. Вместо этого он поднял глаза на меня и сказал:

— Вы правы. Я слишком быстро списал на нрав.

От неожиданности я ответила не сразу.

— Хорошо, что у нее не такой характер, как у вас, — сказала я наконец. — Она бы теперь заставила вас всю дорогу извиняться.

Клара хмыкнула. Терен спрятал улыбку в бороде. Северин посмотрел на Вишню, словно обдумывал предложение.

— Тогда пусть пока ограничится исправной сбруей, — ответил он. — У нас длинная дорога, и на извинения понадобится время.

Разговор закончился обычным делом: он велел поставить кобылу отдельно, а потом ушел разговаривать с возницами о мосте. Я все еще держала снятый ремень и думала, что человек, способный признать ошибку без долгих объяснений, встретился мне в очень неподходящий момент жизни.

Клара дала мне место у четвертой повозки и список лошадей. Мы пошли вдоль ряда, проверяя, кому сколько овса положено, кто понесет лишний вьюк, а кого лучше оставить на легкой тяге. Терен собирался возражать почти по каждому пункту, но, когда я показала ему, как разложить мешки на две стороны, согласился, что так удобнее.

— Раз ты такая умная, может, и всю дорогу за меня пройдешь? — буркнул он.

— Если отдадите сапоги. Мои хуже.

Терен оглядел мои сапоги. После пожара один действительно треснул у подошвы, и я собиралась чинить его перед выездом.

— У меня нога больше твоей на три пальца, — сообщил он.

— Значит, останетесь на своем месте.

Впервые за несколько дней я работала и не думала каждую минуту, смотрит ли кто-то на меня с отвращением. Плечи уставали, но знакомая работа собирала мысли в привычный порядок. Вот недостаточно туго закреплен тент. Здесь у телеги ось накренилась, надо подложить чурку до нагрузки. Эта лошадь слишком молода, чтобы тянуть тяжелый груз весь день. Этого возницу лучше просить помочь с мешками, а не заставлять слушать длинные объяснения.

Клара не стояла у меня над душой. Она выдала восковые метки для мешков с кормом и велела отмечать израсходованное. Я смотрела на одинаковые сумки, завязанные разными узлами, и впервые за долгое время чувствовала себя человеком, которого взяли в дело за умение, а не из жалости.

К полудню мы с Тереном разобрали запас овса. Ему требовалось пять мешков на ближайший участок, но в накладной значилось шесть. Я стала проверять, не забыли ли еще одну упряжку.

— Шестой идет на больную кобылу, — пояснил он. — Клара всегда оставляет запас.

— Тогда надо писать не шесть по норме, а пять и один на случай задержки.

— Разница?

— Если задержимся и съедим запас, будете думать, что лошади много жрут. Потом урежете им меру, хотя дело было в нашем ожидании.

Терен посмотрел на мешки, потом на меня.

— Смотрю, дочери Линда и правда не все равно, что пишут в тетради.

— Отцу было не все равно, накормлены ли животные. Мне тоже.

Он передал мне кусочек мела, которым делал отметки на досках, и на этот раз не попытался руководить. Мы передвинули мешки, отнесли один в сухое отделение и исправили накладную.

Клара подошла, когда я ставила последнюю риску.

— Смотрю, вы обжились.

— Работу нашли, — ответила я. — С местом для сна еще разберемся.

— Приходите завтра пораньше. Я покажу, где хранится походная аптечка и с кем договариваться, если понадобится новый ремень. Дальше будут одни холмы, там лавки встречаются не чаще хороших мостов.

Мне захотелось спросить, насколько часто в горах встречаются обращенные. Но Клара не предлагала дружеской беседы и уже звала человека, который никак не мог решить, на какую телегу поставить сундук с часами. Я поблагодарила и пошла к выходу с площади.

У самого крайнего тента меня окликнул Северин.

— Госпожа Линд.

Я обернулась. Он держал кусок старой кожи и ременный нож. Возле его сапог лежала изношенная подкладка, снятая с Вишни.

— Вы завтра будете работать здесь? — спросил он.

— Если Клара не передумает.

— Тогда посмотрите две упряжки у третьей повозки. Они из другого двора. После сегодняшнего я не хочу узнать о таком же шве на перевале.

— Можно посмотреть сейчас.

— Сейчас уже темнеет. Завтра будет достаточно. И еще одна вещь: если лошадь откажется идти на узком участке, сначала скажите мне, почему. Не пробуйте решить все самой.

Я нахмурилась.

— А если вы не согласитесь, мы потеряем полдня на спор?

— Полдня лучше, чем сорванная повозка.

Он произнес это без угрозы, просто как человек, привыкший расплачиваться за чужую торопливость. Мне не понравилось, что ему оказалось так легко распоряжаться моими будущими действиями, но в самом совете был смысл. На узкой дороге одно неверное движение затронет всех, а не одну лошадь.

— Буду говорить заранее, — пообещала я. — Но вы тоже сначала слушайте, потом отдавайте приказ.

Он немного склонил голову.

— Попробую.

— Это не звучит обнадеживающе.

— Зато честно.

К вечеру у меня ныли плечи и мерзли руки, зато впервые с пожара я устала от обыкновенной работы. Госпожа Тис накормила меня супом и подтвердила, что с Кларой можно договариваться: ее племянник ездил в обозе трижды и всегда получал расчет вовремя. Я починила треснувшую подошву сапога и уснула с мыслью, что завтрашний день будет занят делом, которое я умею делать.

На следующий день я пришла еще до рассвета. Мы с Тереном осмотрели остальные упряжки: на одной обнаружился жесткий шов, но до раны дело не дошло. Я заменила подкладку и записала, что придется починить в первом поселке. Терен больше не спрашивал, зачем новой работнице трогать его лошадей. Зато громко возмущался, когда я перепутала два одинаковых вьюка, и я не стала спорить: ошибка была моя.

Клара прислала горячий чай. В нем почти не было трав, зато ложка меда казалась роскошью. Я стояла возле повозки, держа кружку обеими руками, когда со стороны главной дороги донеслись голоса.

— В Белом Броде опять про дракона рассказывают, — сказал кто-то из грузчиков. — Будто он всю конюшню сжег, а потом сожрал троих.

У меня задрожала рука, и чай плеснул на край рукава.

— Врут, — возразил другой. — Там молния была. Мой брат доски на пожаре разбирал. Он бы заметил, если б кого-то сожрали.

— Так дракон мог и улететь до утра.

— Мог. А мог оказаться коровой в дыму. В прошлом году вы у мельницы тоже видели чудовище, а это пьяный мельник вылез из пруда.

Мужчины рассмеялись. Я поставила кружку на борт повозки, чувствуя, как сердце бьется возле самого горла. Рассказать правду одному человеку казалось невозможным; слушать, как ее превращают в ярмарочную сказку, оказалось еще хуже.

Терен подошел за мешком с овсом и заметил мою бледность.

— Замерзла? — спросил он.

— Немного.

— Иди к костру. Клара заплатит тебе за руки, а не за то, что станешь ледяной статуей у колес.

Я хотела возразить и вдруг вспомнила собственные слова на площади: если буду слаба, скажу заранее. Оскар часто смеялся, что я умею запрещать другим работать без отдыха, но не себе. Может быть, хотя бы в этом он был прав.

Я присела у костра на несколько минут. Слышала, как ветер шуршит над тентами, как скрипят тележные оси. Мужчины уже обсуждали цены на соль, забыв о драконе. Мне казалось, что каждый новый разговор может снова вернуться к пожару, но никто больше не вспоминал о нем.

К полудню прибыл мальчик от Брана с моим сундуком. Оскар отправил вещи раньше, чем обещал. Я вышла к воротам амбаров, расписалась за доставку и увидела сверху старую кожаную сумку с отцовскими инструментами. Много лет назад я взяла ее из отчего дома, когда мы только открывали постоялый двор. С тех пор сумка висела в нашей конюшне, и я давно привыкла думать, что она навсегда останется там.

Внутри лежали крюк для чистки копыт, маленький нож с рукоятью из темного дерева и два шила, одно с зазубриной. Оскар добавил к инструментам чистые ремешки и моток прочной нити. Наверху я нашла сложенную записку.

«Ты всегда говорила, что без этих вещей в дороге ничего не починишь. Я попросил Брана найти все до последнего шила. Если чего-то не хватает, скажи. О.»

Я долго держала письмо в руках. Оскар знал, какую сумку собрать. Знал, что я не выбрасываю инструменты отца. Помнил про сломанное шило. Часть меня обрадовалась этому заботливому, внимательному жесту. Другая никак не могла забыть, что он сумел собрать мои инструменты, но не захотел делить со мной спальню.

Я убрала письмо на дно сундука и попросила возчика передать благодарность. Больше ничего не придумала.

В следующие два дня люди то прятали вещи под тенты, то снова вытаскивали их на землю: выяснялось, что сундук слишком тяжел или за перевозку надо доплатить. Женщина в зеленой шали отвоевала место для детской колыбели, оставив в городе два других сундука. Ее сын Данк ходил за работниками и спрашивал, когда покажутся снежные вершины.

Однажды он подошел ко мне, пока я пересчитывала корм.

— Правда, в горах есть драконы? Если увидим, надо убегать?

Я едва не уронила деревянную мерку. Прежде чем успела ответить, рядом появился Северин.

— Надо оставаться возле матери и слушать охрану, — сказал он. — И не подходить близко к существам, которые гораздо больше тебя. Даже добрый конь может нечаянно наступить на ногу.

Данк подумал, согласился и убежал. Я осторожно поставила мерку обратно. Мне хотелось сказать мальчику, что одно дело — бояться хищника, а другое — считать всякое большое тело опасным. Но я слишком хорошо помнила, как в саду едва не раздавила яблоню, просто повернувшись.

— Вы всегда так разговариваете с детьми? — спросила я Северина.

— Иногда хуже. Особенно если спрашивают про ножи.

Он заглянул в список корма. Я объяснила, сколько мешков уйдет до первого поселка и почему запас нужен отдельно от ежедневной нормы. Северин согласился и предложил разведать у пастухов возможность докупить овса перед подъемом.

— Только не уменьшайте цифры в списке, чтобы мне понравилось, — добавил он.

— Думаете, я способна обманывать ради вашей улыбки?

— Надеюсь, нет. Из улыбок корм не получается.

Он ушел заниматься дорогой, а я еще некоторое время смотрела на накладную. Мне понравилось, что с ним можно спорить по делу. Но его слова о больших существах мне запомнились слишком хорошо.

Накануне выхода Клара собрала людей у первой повозки. Каждый должен был знать, где его место, за что он отвечает и что делать, если караван остановится посреди дороги. Она раздавала указания без лишних угроз. Лишь когда один торговец попытался договориться об отдельном костре на привале, Клара напомнила ему, что леса после первых заморозков сырые, а дрова не вырастают из самодовольства.

Северин стоял возле карты и показывал возницам два опасных участка. Первый мост недавно ремонтировали, там следовало оставить между повозками больше расстояния. Второй лежал выше, у склона, где после дождя могли сходить камни. Он говорил спокойно, подробно отвечал на вопросы и не позволял шутить там, где дело касалось безопасности людей.

Я слушала, пока он не дошел до порядка движения на крутом спуске. Тогда спросила, почему упряжку Вишни ставят сразу после тяжелой повозки с железом.

— Потому что ее возница знает эту дорогу, — ответил Северин.

— Вишня только восстановилась после натертого подплечника. На спуске ей придется держать постоянное натяжение, если тяжелая повозка замедлится.

Терен уже открыл рот, собираясь возразить, но Северин остановил его рукой.

— Кого поставите вместо нее?

Я назвала более спокойного мерина из второй упряжки и объяснила, как можно поменять порядок грузов, не увеличивая вес на колесах.

Северин проверил карту, затем кивнул.

— Хорошо. На первом переходе сделаем так. Если пойдет дождь, еще раз посмотрим, где стоят тяжелые телеги.

Клара отметила перемену в тетради. Никто не стал обсуждать, вправе ли новая работница спорить с начальником охраны. Мне понравилось, что он не стал спорить ради своего положения.

После сбора я пошла забрать сумку и увидела у задней стены амбара молодого охранника. Он пытался пристроить на длинное древко необычный металлический наконечник. Железо было широким, с поперечной перекладиной чуть ниже острия. Кожаные ремни свисали с крепления петлями. Охранник то затягивал их, то снова ослаблял, явно боясь испортить вещь.

Рядом стоял Северин, повернувшись ко мне спиной. Его голос доносился отчетливо, потому что вокруг наконец стало тихо.

— Не затягивай так сильно. Если оружие застрянет, ты не сумеешь отпустить его вовремя.

— Я думал, перекладина для того, чтобы глубже не вошло, — ответил молодой человек.

— Для этого тоже. Но главное — удержать расстояние. Дракона нельзя встречать вплотную. Особенно если он ранен или потерял голову от боли.

Я остановилась за штабелем досок. Сердце неприятно ухнуло, словно я опять стояла возле горящей стены.

Охранник провел пальцем по металлической перекладине.

— А если он уже бросился на человека?

— Тогда сначала отводишь людей. Потом решаешь, можно ли задержать его, не убивая. Если нельзя — действуешь быстро. Тот, кто ждет чудес, обычно не успевает помочь живым.

— Вы так делали на службе?

Северин помолчал.

— Делал. И не всегда правильно.

Молодой охранник поднял глаза.

— Клара говорила, вы служили у Келя на Седловой заставе. Правда, что вы один раз убили дракона прямо у деревни?

— Правда, — ответил Северин. — Но если услышишь, что сделал это один, не верь. Там было достаточно людей, которые рисковали не меньше меня.

Он взял древко и показал, как закрепить ремни так, чтобы при резком рывке оружие можно было отпустить. Я смотрела на его руки. Два пальца на левой почти не сгибались, и теперь мне показалось, что я понимаю, откуда у него эта старая травма.

— А если дракон узнает людей? — не унимался парень. — Можно подпустить поближе?

— Пока человек под угрозой — нет. Узнавание бывает разным. Иногда его хватает надолго. Иногда на несколько мгновений. Твоя задача — не проверить это на собственной шее, а дать остальным выйти.

— И после этого что?

— Смотрим по обстоятельствам, — ответил Северин. — Запомни лучше другое. Если я сказал не трогать, значит, не трогать. Если велел отвести людей, не становись героем возле чужого оружия.

Они повернулись ко мне почти одновременно. Я стояла на открытом месте с сумкой у ног; за спиной не осталось ничего, за чем можно было спрятаться. Северин узнал меня, опустил древко и обратился к охраннику:

— Нейм, отнеси это в ящик. Остальное завтра.

Парень ушел, а Северин подошел ко мне.

— Вы что-то хотели?

— Забрать свои вещи, — ответила я. — Я не знала, что здесь проводят занятия.

Он бросил взгляд на сумку и отступил, освобождая проход.

— Нейм недавно в охране. Ему полезно знать, чем отличается средство защиты от развлечения для смельчаков.

Я хотела спросить, часто ли он пользуется этим оружием, но боялась услышать подробный ответ. Вместо этого сказала:

— Вы говорили о драконах.

— Да.

— И охотились на них?

Он не сразу ответил. Я заметила, как взгляд у него стал внимательнее, но в лице не появилось ни хвастовства, ни удовольствия.

— Моя служба заключалась в том, чтобы защищать поселения, когда обычной ограды было недостаточно. Иногда приходилось останавливать обращенных. Иногда можно было дать им время. Не всем оно помогало.

— Вы их боялись?

— Конечно.

Мне не удалось скрыть удивления.

— Вы говорите об этом так спокойно.

— Если человек уверяет, что никогда не боялся большого зверя, способного разнести его дом, лучше не ставьте его в охрану. Он либо врет, либо не понимает, что делает.

Я невольно посмотрела на его левую руку. Северин перехватил взгляд, но не спрятал пальцы.

— Это из-за дракона? — спросила я.

— Из-за одного очень неудачного решения. Подробности оставим до той поры, когда дорога даст нам время на старые истории.

Он сказал это без приглашения к близости, однако и не отрезал разговор. Мне захотелось поверить, что его опыт мог научить не только убивать, но и останавливаться. И все же в голове стояла другая картина: металлическая перекладина, ремни, спокойный голос мужчины, объяснявшего, как держать опасное существо на расстоянии.

— Вы сказали мальчику, что не всегда поступали правильно, — произнесла я. — Что вы делаете, когда понимаете ошибку?

Северин посмотрел в сторону ящика, куда Нейм убирал оружие.

— Стараюсь не повторять, — ответил он. — Но это хуже получается, чем хотелось бы.

Он не стал спрашивать, почему меня это интересует. Просто поднял мою сумку с земли и поставил на скамью, чтобы я могла удобнее застегнуть ремни. Потом направился к повозкам, где его уже звали проверять запасы воды.

Я осталась возле амбара. Сумка отца была тяжелой. Кожа давно потеряла цвет, на ручке виднелся знакомый след от его ножа. Я провела по нему пальцем и попыталась заставить себя думать о завтрашней работе: сколько овса рассыпать, кого разбудить первым, где взять чистую воду для Вишни.

Но мысли возвращались к железному наконечнику. Северин слишком хорошо знал, что делать, если дракон окажется рядом с людьми. Он говорил о выборе между ожиданием и ударом так, как я говорила о больной лошади, когда решала, можно ли дать ей еще один день отдыха или пора звать лекаря.

Я знала всего одну драконицу. Себя.

Она стояла в мокром саду, не умела говорить и боялась сдвинуть лапу, потому что вокруг были люди. Той ночью мужчина, которого я любила семь лет, попросил ее не подходить. Теперь мне предстояло ехать в горы рядом с другим мужчиной, который, если понадобится, сумеет не ограничиться просьбой.

Я могла отказаться от работы. До рассвета еще оставалось время. Можно было забрать вещи у Клары, вернуть аванс, если она успеет его выдать, и попытаться найти другой обоз. Но другого обоза до снегов не ожидалось, а одной через горы мне не пройти. К тому же Северин сегодня дважды изменил решение, когда услышал разумный довод. Он не требовал, чтобы все вокруг всегда соглашались с ним.

Этого было слишком мало, чтобы доверить ему свою тайну. И достаточно, чтобы завтра все-таки прийти.

В пекарню я вернулась поздно. Госпожа Тис уже погасила свет внизу, оставив у лестницы горшок с горячими углями. В комнате я разложила на кровати дорожное платье, плащ, запасные чулки и новое свидетельство о расторжении брака. Подумала, куда убрать бумагу, чтобы не промокла в дороге, и завернула ее вместе с расчетом имущества в промасленный кусок ткани.

На дне сумки лежало письмо Оскара. Я вынула его, разгладила складку большим пальцем и снова убрала. Не захотела ни рвать, ни перечитывать. Пусть пока остается там, где лежит.

За окном ветер трогал вывеску пекарни. Она постукивала о железный крюк, иногда замирала и опять начинала. Мне мешал этот звук, но просить хозяйку ночью поправить вывеску было бы глупо. Я легла, натянула одеяло до подбородка и долго слушала, как внизу оседают угли в печи.

Впервые за семь лет мне не нужно было вставать и проверять чужую конюшню. Завтра я уйду с пятью повозками и людьми, которым пока совершенно незачем знать, кто я на самом деле. На несколько часов утренней дороги этого знания, возможно, и не потребуется. Я сумею

считать овес, смотреть под ноги лошадям, помогать Терену с грузом и не задавать Северину лишних вопросов.

Планы у меня всегда были хорошие, пока в них не вмешивались погода и лошади. На этот раз я больше боялась не дождя.

Перед самым сном я вспомнила слова Северина о мальчике, которому он велел не приближаться к дракону. Он сказал, что даже самый добрый конь может наступить на ногу, если вовремя не отойти. Я бы сказала почти то же самое.

От этой маленькой близости наших мыслей стало тревожно. С конями он соглашался разбираться прежде, чем брать оружие. На что он решится, когда однажды увидит меня такой, какой я была в саду?

Утром я собиралась выехать, так и не узнав ответа.

Глава 3. На весу

В день отъезда Клара обнаружила, что у нее на одну курицу больше, чем указано в дорожной книге.

Птица сидела в плетеной клетке на четвертой повозке, угрюмо посматривала сквозь прутья и по всему своему виду не собиралась признавать, что ее существование требует отдельной платы. Хозяин, торговец сукном по имени Вальт, уверял, будто курицу ему подарили уже после окончательного расчета. Клара отвечала, что подарки не освобождают от необходимости кормить их в дороге.

— Да что она съест за три недели? — возмущался Вальт.

— Попробуйте три недели ничего ей не давать, и узнаем, — предложила Клара. — Только потом не говорите, что я испортила вам подарок.

Пока они спорили, я пересчитывала мешки с овсом. Шесть на ближайший участок, один неприкосновенный до первой стоянки у горных пастухов. У второй повозки недоставало запасного нагрудного ремня; пришлось переложить туда мой, починенный вчера вечером. Терен принес мерку с отбитой ручкой и сообщил, что новая работница обязана проверить ее вместимость, поскольку старая работница, то есть он, пользовалась ею двадцать лет и до сих пор никого не уморила голодом.

— Я и не собираюсь, — ответила я. — Лишь хочу знать, сколько стоит ваша уверенность в зерне.

Он фыркнул, но все-таки помог пересыпать овес в другую посудину. Выяснилось, что до старой риски не хватало почти пригоршни. Терен посмотрел на меня, затем на мерку.

— Усохла, — объявил он.

— Дерево или овес?

— Мое терпение. Переделай риску и не выводи меня из себя до завтрака.

Северин услышал последнее, проходя мимо с фонарем, и спросил, успели ли мы поссориться из-за всего корма или оставили немного на завтра. Это был первый раз, когда он обратился ко мне без обязательного «госпожа Линд». Я не придала бы этому значения, если бы не заметила, как легко мой язык приготовил ответ.

— Еще остались веревки, — сказала я. — Можем заняться ими на привале.

— Хороший выбор. Веревки хотя бы не возражают.

Он ушел вперед, проверять дорогу к воротам. Я проводила его взглядом и невольно вспомнила длинный охотничий наконечник, который видела у амбара. Разговор о мерке сразу перестал казаться таким безобидным.

Последним грузили дорожный котел. Клара лично проверила крышку, потом объявила, что всякий, кто задержит выезд из-за забытых чулок, может нагонять обоз пешком. Женщина в зеленой шали, которую звали Леда, прижала к груди сына и сказала, что у него все при нем. Данк тут же спросил, где его деревянный свисток, и Леда с таким выражением оглянулась на воз, что я поспешила отвернуться.

Из города мы вышли, когда за крышами только начинало светлеть. Я ехала первые полчаса на краю четвертой повозки, придерживая на коленях отцовскую сумку с инструментами. Слева тянулись мокрые огороды, справа за каменной оградой дымились последние печи. На одном из дворов лаяла собака. Пришлось заставить себя не высматривать наш дом за поворотом; его оттуда все равно не было видно.

Мост через Белую реку мы прошли почти без задержки. Северин выставил по человеку на каждом конце и велел пускать повозки по одной. Вальт жаловался, что тяжелее его груза ничего в мире не существует, кроме бюрократии, но, как только настала очередь его телеги, поспешно замолчал. Доски под колесами стонали, вода внизу шла полная после дождя.

Я спешилась заранее, хотя никакой лошади еще не требовалась помощь. Вишня шагала во второй упряжке без боли, осторожно ставя передние ноги. На груди у нее оставалось небольшое розовое пятно; мы подложили мягкую ткань и закрепили ремни так, чтобы шов его не касался. Кобыла косилась на меня, когда я подходила слишком близко, но уже не пыталась отступить. Для начала этого было достаточно.

— Не ходите рядом с мостом, — сказал Северин, когда последняя повозка показалась из-за поворота.

— Я на берегу.

— На берегу, который сейчас размывает.

Я посмотрела под ноги. У самой воды земля действительно осела, и тонкая полоса мокрой травы нависала над течением. Еще шаг — и сапог мог соскользнуть.

— Благодарю, — сказала я, отступая.

Он кивнул, словно услышал обычный ответ на обычный совет. Не стал улыбаться и напоминать, кто здесь отвечает за дорогу. Мне это почему-то понравилось больше, чем если бы он начал поддразнивать.

К полудню город остался далеко за спиной. Холмы поднимались один за другим, и дорога то показывала широкую долину, то уходила в узкий просвет между зарослями терна. Пока вьючный путь не начинался, идти было легко. По крайней мере так утверждал Данк, который каждые полчаса выбегал из своей повозки и предлагал кому-нибудь состязаться в беге.

Леда отлавливала его за воротник и усаживала на мешок с постелью.

— Он скоро начнет бегать во сне, — сказала она, когда я подошла проверить переднюю упряжку.

— Пусть бегает, — отозвался Терен. — Нам же меньше места займет.

— Вам бы только меньше места, — возразила Леда. — Вы мою колыбель едва не оставили в Белом Броде.

— Я бы ее оставил с удовольствием. Младенца у вас нет, а колыбель весит как хорошая наковальня.

— Младенец будет у моей сестры. Ей в Ольденской долине рожать со дня на день.

Терен махнул рукой. Я заметила, что он все же переставил колыбель ближе к центру груза, чтобы она не раскачивалась на поворотах.

Первый привал занял меньше часа. Мы поили животных, не давая им напиться жадно сразу после подъема, осматривали копыта и ослабляли ремни. Клара раздавала хлеб и сушеное мясо из общего запаса. Тот, кто рассчитывал на горячий обед, выглядел разочарованным, но никто не жаловался слишком громко.

Я взялась помочь разгружать тяжелые ведра с водой. Сначала одно, потом второе. Когда дошла до третьего, руки дрогнули, будто между локтем и плечом что-то на мгновение отпустило. Ведро ударилось о ступеньку и выплеснуло воду на мой сапог.

— Оставьте, — сказал Терен. — Я донесу.

— У вас еще лошади.

— Они тут. Не убегут.

Он взял ведро у меня из руки и, не дожидаясь спора, ушел к бочке. Я осталась стоять с мокрой ногой и сердитым ощущением, что меня поймали на какой-то неприличной слабости.

С тех пор как я вернулась в человеческое тело, усталость настигала меня неровно. Утром казалось, что могу работать целый день, а потом вдруг пальцы начинали дрожать, и я с трудом поднимала обычную кормовую мерку. Дора предупреждала об этом. Кларе я тоже сказала. Только в глубине души надеялась, что никто не заметит, насколько серьезно предупреждение.

Мне требовалась работа, за которую платили. Быть еще одной обузой в обозе я не могла себе позволить.

К вечеру мы остановились на широкой поляне, где когда-то рубили лес. Между пнями росла желтая трава, на земле лежали старые щепки, от дождя ставшие мягкими, как кора. Северин обошел место стоянки, проверил подход с верхней дороги и велел поставить повозки полукругом: так удобнее было держать лошадей вместе и защищать костры от ветра.

Клара расплатилась с местным пастухом за сено. Терен выругался на цену, затем все равно пересчитал вязанки и признал, что товар хороший. Я занялась упряжью, проверила старый шов на Вишне и записала два ремня, которые надо будет заменить до перевала.

Когда с делами покончили, оказалось, что я понятия не имею, как провести вечер.

В Белом Броде после ужина всегда находилась сотня мелочей. Нужно было проверить счета, поговорить с Маритой, убедиться, что Сим не забыл закрыть боковую дверь. Иногда мы с Оскаром сидели у огня. Он рассказывал про покупателей, я — про лошадей; потом мы спорили, кто первый пойдет спать, и в конце концов уходили вместе.

Теперь у меня были чужой котел, чужие разговоры и свободное время, которое я не умела ни на что потратить.

Я села на край бревна и достала кусок хлеба. Рядом Данк пытался научить Нейма делать свисток из ивовой ветки. Парень в охранной куртке старательно слушал и все равно портил одну ветку за другой.

— Вы слишком глубоко режете, — сообщил Данк с важностью опытного мастера.

— А ты слишком мало рассказываешь, — возразил Нейм. — Когда я спрашивал, где делать отверстие, ты сказал: «Там, где надо».

— Потому что там и надо.

Северин проходил мимо с охапкой дров и, услышав их, покачал головой.

— Нейм, если ребенок и дальше будет тебя учить ножу, к утру придется учить его твоей работе.

— Он умеет свистеть, — заметила я.

— Этого для дозора недостаточно.

— Зато если потеряется, найдут быстро.

Северин поставил дрова возле костра. Один поленец откатилось в сторону; он придержал его сапогом и посмотрел на меня.

— Занести и вас в список тех, кто собирается заблудиться?

— Если заблужусь, начну свистеть раньше Нейма.

— Значит, придется научить его отвечать.

Нейм рассмеялся. Данк потребовал, чтобы все сейчас же признали его главным по свисткам, и бегом отправился к матери за новым ножиком, который та, разумеется, не дала.

Обычная болтовня немного согрела меня. Северин не остался рядом: ему предстояло обойти стоянку, проверить дозорных, пересчитать факелы. Я видела, как он останавливался возле каждой повозки, коротко спрашивал о нуждах и шел дальше. При всей его суровой манере он не искал лишних поводов командовать. Если кто-то уже справился со своей работой, обходился кивком.

Позднее Клара села рядом, развернув счетную тетрадь.

— Отдыхаете? — спросила она.

— Уже закончила с лошадьми.

— Я спросила, отдыхаете ли вы.

Пришлось признать, что да. Клара убрала тетрадь в сумку, будто этого ответа было достаточно.

— Завтра подъем длиннее. На третьем дне дорога станет хуже, — сказала она. — Там не нужно доказывать, что вы сильнее всех наших возниц. Следите за лошадьми, а тяжелое оставьте им.

— Терен жаловался?

— Терен жалуется, когда у него в сапоге попадается камешек. Но ведро, которое вы чуть не уронили, видели и без него.

Я хотела объяснить, что просто не выспалась после ночи над пекарней. Не стала. Клара могла заподозрить меня во многом, но глупой она не была.

— После болезни я иногда устаю неожиданно, — сказала я. — Говорила вам при найме.

— Помню. Потому и взяла за умение, а не за ширину плеч. Если однажды не сможете поднять ведро, не поднимайте. Хуже будет, если сорветесь вместе с ним на спуске.

Она вернулась к своим счетам. Я осталась с хлебом в руках и неприятным чувством, что два человека за один день заметили то, что я пыталась спрятать.

Ночью я долго не могла уснуть. Под общим тентом лежали женщины и дети. Леда укрыла Данка так старательно, что он во сне разметал одеяло и повернулся поперек своей постели. Кто-то тихо кашлял за перегородкой из мешков. Пахло шерстью, овсом, мокрой кожей и остывающей похлебкой.

Я различала запахи слишком отчетливо. Когда порыв ветра приносил дым с дальнего костра, внутри все сжималось, и мне приходилось напоминать себе, что это обычные дрова, а не горящая крыша. К рассвету эта тревога не исчезла, зато немного ослабла. Я вылезла из-под тента, умылась холодной водой и пошла проверять упряжки прежде, чем кто-нибудь предложит мне помочь.

Второй день начался ясным, и к полудню мы увидели первые горы.

Они поднимались за округлыми холмами, серые, с белыми полосами у самых вершин. Издали казалось, что можно пройти между двумя гребнями и через несколько часов оказаться по другую сторону. Дорога, однако, сначала уводила на восток, потом вновь поворачивала к северу, обходя глубокие балки и скальные выходы. Терен сообщил Данку, что у гор нет ни малейшего желания пропускать людей кратчайшим путем, и мальчик принял это за чистую монету.

— Они что, живые? — спросил он.

— Не все, — ответил Терен. — Некоторые просто злобные.

— Терен, — предупредила Леда.

— Да я ему про дорогу, а не про чудовищ.

Данк долго смотрел на дальние вершины, потом объявил, что первым делом нарисует ту, которая похожа на большой зуб. Я не нашла сходства, но хвалить детские рисунки было проще, чем объяснять, зачем взрослые так любят пугать друг друга.

Перед узким подъемом мы остановились перераспределить груз. Вальт снова принялся спорить: ему не понравилось, что часть ящиков с сукном предлагают переложить в другую повозку. Он уверял, будто от этого ткань немедленно испортится, хотя ящики были закрыты так плотно, что и вода едва ли попала бы внутрь.

Клара терпеливо выслушала его, затем указала на склон.

— Здесь мы поднимаемся легкими передками, — сказала она. — Если груз перевесит назад, придется ставить людей толкать. А это люди, которым я обещала оплатить дорогу, не похороны. Выбирайте: переставляем три ящика сейчас или возвращаем их вам на склад.

Он согласился переставить.

Я помогала распределять вес и заметила, что передняя лошадь третьей повозки начала коротко переступать, когда возница подтягивал ремень. Ее звали Сива, серая кобыла с тяжелой головой и темной полосой вдоль спины. Я проверила повод, посмотрела копыта и попросила не ставить ее на самый крутой участок без небольшой передышки.

Северин подошел, пока я объясняла вознице причину. Выслушал, затем оглядел тропу.

— Пропустим ее после четвертой, — решил он. — На том повороте можно дать постоять, не закрывая дорогу.

— Только если четвертая не встанет, — возразил Терен.

— Не встанет, если не загрузите на нее еще два сундука Вальта.

Клара расхохоталась раньше всех. Вальт поджал губы и занялся своим товаром. Северин посмотрел на меня, будто ожидал дополнительного замечания. Но с его расчетом я была согласна, так что просто кивнула.

На вершине подъема пришлось идти пешком. Воздух стал чище и холоднее; между камней росли приземистые сосны. У меня щипало щеки, ноги гудели от непривычного долгого шага, зато голова постепенно прояснялась. В какой-то момент я поймала себя на том, что с интересом смотрю вперед, а не вспоминаю каждый изгиб дороги к старому дому.

Я не стала отгонять это чувство.

Вечером второго дня мы устроили привал у небольшого ручья. Клара велела кипятить воду для питья, хотя она казалась прозрачной. Терен отыскал ровную площадку, где можно было поставить повозки, а Нейм с другим охранником проверили склоны. Возле нашего костра Леда разбирала узлы в волосах Данка и приговаривала, что тот обязательно потеряет уши, если будет снимать шапку на ветру.

Мне досталась миска горячей крупы с луком. Я съела ее и обнаружила, что все еще голодна. Попросила добавки. Повариха, полная женщина из семьи переселенцев, удивленно насыпала еще, а потом предложила кусок сала, который я приняла с такой благодарностью, что она рассмеялась.

— В горах голод лучше не терпеть, — сказала она. — Там ветер всю силу съедает.

Я поблагодарила ее и ушла немного в сторону, чтобы спокойно доесть.

У ручья стоял Северин. Он мыл в ледяной воде небольшой металлический крюк, придерживая его пальцами здоровой руки. Левую держал над потоком, будто холод причинял ей боль.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего нового. — Он показал крюк. — Нейм зацепил его за камень и согнул. Теперь пытаюсь исправить.

— У вас рука совсем не сгибается?

— Два пальца. Остальные стараются за них работать.

Он сказал это без жалобы, и я не стала выражать сочувствие, которого он не просил. Вместо этого предложила инструмент из отцовской сумки. Северин сначала посмотрел на крюк, потом на мои руки.

— Если в вашей сумке найдется маленький молоток, буду благодарен. У меня остался только большой, им эту вещь можно превратить в памятник.

Я принесла молоток и придержала крюк щипцами, пока он легкими ударами возвращал железу форму. Работа заняла несколько минут. Ветер шевелил пряди волос у него на виске, и всякий раз он нетерпеливо убирал их плечом, потому что руки были заняты. Я вдруг захотела узнать, каким был его голос не при приказе и не в разговоре об опасности, а утром за кухонным столом, когда человек еще не успел поссориться с миром.

— Как вы решили водить обозы? — спросила я.

— После службы мне понадобилась работа, где можно больше ходить, чем сидеть и отчитываться. Я недооценил количество отчетов у Клары.

— Она считает даже кур.

— Поэтому у нас до сих пор никто не потерял курицу и не выдал ее за налог с дороги.

Я рассмеялась, вспомнив утренний спор. Северин тоже улыбнулся — коротко, одним углом рта. Удивительно, как сильно это меняло его лицо.

— А вы? — спросил он, откладывая молоток. — В Белом Броде ведь хватало работы с лошадьми. Зачем понадобились горы?

Разговор будто подошел к самому краю, за которым лежала моя тайна. Я присела, чтобы убрать инструмент в сумку, и выиграла несколько секунд.

— После развода мне не хотелось устраиваться в соседней конюшне, где каждый второй будет спрашивать, почему мы с мужем расстались. В Ольденской долине можно начать с собственного имени, а не с чужих догадок.

Он не сразу ответил.

— Понимаю.

— Вы не спросите, кто был виноват?

— Мы ремонтировали крюк. Для такого вопроса не требуется ни молоток, ни ваша помощь.

Я опустила взгляд, чтобы спрятать улыбку. Его деликатность была неожиданной. И тем опаснее казалась сама возможность ему довериться.

Когда мы вернулись к кострам, ветер переменился. Над дальними вершинами собиралась темная полоса облаков. Северин поднял голову, долго смотрел на нее, затем позвал Нейма и приказал укрепить крайние тенты. Клара проверила, хватит ли сухих дров на утро. Терен ворчал, но привязал запасные ведра так, чтобы их не унесло.

Дождь начался после полуночи. Он шел долго, без грома, сперва тихо шуршал по ткани, потом застучал сильнее. Несколько раз я просыпалась от того, что на тенте собиралась вода. Снаружи ходили охранники, проверяя натяжение веревок. Под утро дождь стих, однако слышно было, как где-то в темноте с осыпи падают мелкие камешки.

Клара собрала возниц еще до завтрака. Северин развернул карту на плоском ящике и показал участок, где тропа огибала скалистый выступ. Слева поднималась крутая стена, справа уходил вниз склон, заросший редкими кустами. Внизу лежало каменистое русло, где после дождей собиралась вода.

— Идем медленно и оставляем между повозками по двадцать шагов, — сказал он. — Никаких обгонов. Где скажу разгрузиться, разгружаемся. Если услышите сыпь, не ждите, пока я повторю.

— Мы там в прошлом году проходили, — заметил Терен. — Дорога держала.

— В прошлом году в эту ночь не шел дождь, — ответил Северин.

Клара не стала спорить. Она спросила, можно ли задержаться до полудня, чтобы вода ушла. Северин посмотрел на верхний склон и сказал, что сейчас опасны прежде всего маленькие промоины под колесами; к полудню солнце их не высушит. На широком месте перед выступом проверим каждый воз и пустим по одному.

Мне понравилось, что они обсуждали маршрут, не делая вид, будто кто-то способен приказать горам стать надежными. Но тревога все равно поселилась где-то под ребрами. С утра я чувствовала себя особенно усталой. После вчерашней ходьбы болели икры, а левое плечо ныло при попытке поднять руку выше головы. Ссадины после пожара давно затянулись, но временами мне казалось, что под кожей осталось что-то тяжелое, непривычно широкое.

Я не сказала об этом никому. Плечо не мешало ходить и считать мешки. К тому же Клара уже вчера сделала мне замечание об усталости, а я слишком хорошо представляла, как будет выглядеть второе признание за два дня.

Мы вышли на рассвете. Воздух пах мокрым камнем и хвойной смолой. Дорога поднималась все выше, местами пересекая ручейки, которых не было на карте. На обочинах лежали большие темные валуны. Между ними слышался тонкий шум воды, уходившей под землю.

На первом повороте Вишня заметно напряглась. Я подошла к ней, не касаясь груди, и посмотрела, как она ставит ноги. Повязка держалась, рана не раскрылась, но животное чуяло перемену дороги раньше нас. Поскользнувшись однажды на мокром камне, кобыла начала с осторожностью пробовать каждый следующий шаг.

— Нормально? — спросил Терен из-за моей спины.

— Да. Не торопите ее. Она сама ищет опору.

— Сегодня все ищут опору.

Я взглянула на него. Он смотрел вверх, где над скалой висел тонкий хвост тумана. Терен редко признавался в страхе. Но в его голосе не было обычной насмешки.

— У нас есть время, — сказала я.

— Пока есть, — согласился он.

Перед узким участком мы остановились на маленькой ровной площадке. Здесь можно было поставить одну повозку поперек дороги, но две рядом уже не помещались. Северин прошел пешком вдоль изгиба, вернулся с грязными сапогами и показал, где прошла свежая струйка воды. Потом велел подложить широкие дощечки под одно из колес четвертого воза: оно оставляло слишком глубокий след.

Клара отправила пассажиров первых повозок вперед. Женщины и дети шли по тропе под присмотром Нейма, а возницы перегоняли груз по одному. Вальт спорил из-за ящиков, но на этот раз без прежнего пыла. Даже он понимал, как близко колеса подходят к краю.

Мне досталась работа у четвертой повозки. Я следила за упряжкой и помогала удерживать расстояние между животными. Вишня шла осторожно, и когда ее поставили на безопасную площадку за поворотом, мне захотелось похвалить кобылу вслух. Она, впрочем, фыркнула и отвернулась от меня, словно еще не решила, заслуживаю ли я ее доверия.

Пятая повозка оставалась позади, на подходе к выступу. На ней везли часть домашнего скарба переселенцев, тюки сукна и несколько ящиков с железом. Леда с Данком ехали внутри: мальчик промочил ботинки и жаловался на холод, а мать пыталась переодеть его под тентом. Клара велела всем пассажирам сойти на площадке ожидания, но пятую повозку еще не подвели к месту, где можно было безопасно поставить ступеньку.

Позже я не раз думала, что стоило отвести их назад, пока мы перегоняли четвертую. Однако в тот миг я проверяла ремень Вишни за поворотом, а Северин находился между четвертой и пятой повозками, осматривая склон. Никто не ожидал, что край обрушится еще до начала самого тесного участка.

Первый камень упал почти беззвучно. Небольшой, с кулак, он стукнул по дороге и покатился под куст. Я обернулась, услышав сухой щелчок, и увидела, как Северин вскинул голову.

— Стой! — крикнул он вознице последней повозки. — Не двигаться!

Лошади остановились. Сверху посыпался мелкий гравий. Я успела подумать, что еще можно вывести людей, но земля под задним колесом вздулась и осела, как мокрая корка хлеба, в которую ткнули пальцем.

Повозка накренилась вправо. Ее передние колеса остались на твердой полосе дороги, заднее наружное провалилось за край. Один из ящиков с грохотом ударился о борт. Лошади шарахнулись, натянув постромки; телега дернулась так, что передняя ось повернулась под углом. Снизу донесся короткий треск дерева.

— Распрягать! — скомандовал Северин. — Не тяните вперед!

Я уже бежала к упряжке. У одного из меринов, рыжего с темной полосой по спине, глаза побелели от страха. Он пятился, натягивая ремни, а его сосед бил копытом по камню. Если животные рванут сейчас, они могут стянуть повозку с остатка дороги.

— Тихо, милый, — сказала я рыжему и тут же поняла, что голос у меня сорвался.

Я взялась за ближайшую пряжку. Пальцы с первого раза не попали под язычок. Сзади кричала Леда, пытаясь удержать сына в накренившемся кузове. Терен, подбежавший с четвертой повозки, ухватил переднего мерина под уздцы. Северин поддел ножом узел постромков, который затянулся до твердости дерева.

Лошади дернулись еще раз. Я услышала, как по камню скрипнуло заднее колесо. Один ремень лопнул, второй удалось скинуть. Мы отвели животных на несколько шагов и передали Нейму, который прибежал со стороны площадки. В тот же миг наружное колесо сползло ниже, и вся задняя часть кузова повисла над склоном.

— Мама, я не могу! — закричал Данк.

Леда пыталась отодвинуть тяжелый ящик от прохода. Он сместился поперек тента, придавив край сиденья, а под ней гуляли доски. Сойти с наружной стороны было невозможно; под внутренней оставалась только узкая щель между колесом и скалой.

— Данк, слушай меня, — сказал Северин так отчетливо, что даже я на миг перестала смотреть на край. — Не вставай. Леда, удерживайте мальчика у передней перегородки. Мы вас снимем.

Он бросил Терену конец веревки и указал на каменный выступ у внутренней стены. Еще двое возниц побежали к нему за запасными канатами. Я видела, как быстро и точно Северин распределяет работу. В этом не было ни привычного мне хозяйственного спора, ни попытки выглядеть смелее остальных. Только последовательность действий, которая могла удержать людей живыми.

Я попробовала подойти к кузову со стороны скалы. Дорога там сузилась до полосы мокрых камней, а тент колыхался так низко, что приходилось наклоняться. Мне хватило места добраться до переднего угла, но не до дверцы. Железный ящик перекосился, перекрыв проход. Леда протягивала руку, не доставая до меня совсем немного.

— Подождите! — крикнула я. — Сейчас найдем, чем приподнять борт.

— Не лезьте под кузов, — приказал Северин. — Выдавит, как только колесо уйдет.

Он был прав. Я отступила и увидела, как Терен, закрепив веревку за скальный зубец, пытается перебросить свободный конец под переднюю балку. Дерево скрипело. Камни под задним колесом один за другим уходили вниз. Возница потянул канат, но тот соскользнул по мокрой поперечине.

— Еще раз! — крикнул Северин.

На мгновение все замерло. Даже лошади перестали ржать. Я услышала звук, который не мог издать камень: сухой треск оси под кузовом. Доска возле наружного колеса приподнялась, и задняя часть повозки опустилась еще ниже.

Мы не успевали.

Я посмотрела на Леду. Она прижимала сына к груди, стараясь закрыть его от падающих ящиков, и не сводила глаз с разошедшихся досок у ног. Еще один рывок — и тяжелый груз потащит их вниз. Я попыталась придумать обычный выход, какой-нибудь способ завести рычаг под балку, поставить подпорку, перекинуть более толстую веревку. Все это требовало времени, которого у нас не было.

Северин крикнул кому-то за моей спиной, чтобы отойти от края. Я сделала шаг навстречу повозке и почувствовала, как под подошвой отломился кусок глины. Нога поехала вниз, я ухватилась за скалу, содрала кожу с ладони. Сразу за мной склон уходил в каменное русло, и на мгновение я увидела, как падаю туда вместе с этой проклятой телегой.

Тот же страх, что возле горящей стены, ударил так сильно, что потемнело в глазах.

Меня скрутило от боли. Плечи словно разом вывернули, грудь сдавило, и воздух вышел из горла с низким, незнакомым звуком. Я попыталась оттолкнуться от скалы обычной рукой, но пальцы удлинились и уперлись в камень уже темными когтями.

Сверху посыпалась щебенка. Кто-то закричал: «Назад!» Я слышала голос, хотя еще не понимала, в какую сторону мне нужно двигаться.

Куртка лопнула вдоль спины. Ткань зацепилась за растущие пластины, и от резкого рывка в плечах меня повело набок. Колени ударились о мокрую землю; это оказалось не тем движением, к которому я привыкла, потому что под телом вдруг появилось слишком много опор. Я пыталась удержать голову прямо, но шея стала длиннее и тяжелее. Мир расширился, наполнился запахами холодного камня, пота, кожи, крови из моей ладони, влажной шерсти испуганных лошадей.

Я знала, что происходит. На этот раз знала.

И все равно не могла остановить превращение.

Вторая форма прорвалась сквозь одежду, как большое тело сквозь слишком тесную дверь. Я очутилась на четырех лапах. За спиной судорожно раскрылись крылья, ударив по скале, и боль заставила меня пригнуть голову. Я задела шипами старую доску у края дороги; та с хрустом переломилась. Совсем рядом с моей мордой висело переднее колесо повозки.

— Дракон! — закричал кто-то.

Мне захотелось отойти от голоса, спрятаться, сделать вид, что я ничего не слышу. Но в кузове был Данк. Леда прижимала его к себе, а под их ногами трещали доски. Я помнила каждую секунду, пока еще могла считать, и внезапно поняла: теперь у меня достаточно сил, чтобы сдвинуть повозку.

Нужно только понять, как ими воспользоваться.

Я шагнула на твердую полосу дороги. Когти скользнули по мокрому камню; пришлось перенести вес ближе к скале. Крылья мешали, цеплялись за выступы, и я прижимала их к бокам, вспоминая, как ночью в огороде пыталась не ломать деревья. Впереди от кузова отходила толстая деревянная поперечина, к которой крепились постромки. Лошадей уже увели. Я наклонила голову и ухватилась за нее зубами, но вкус грязного дерева вызвал такой резкий приступ тошноты, что я выпустила балку.

Северин стоял у скалы, держа оружие.

Я узнала его прежде, чем разглядела лицо. Темная куртка, седина у виска, сдержанная стойка. В руках у него было то самое длинное копье с перекладиной, которое я видела у амбаров. Он направил острие в мою сторону, однако не двигался вперед. Рядом Нейм сжимал короткий меч, почти не отрывая взгляда от моих крыльев.

Я хотела сказать им, что все помню. Что могу вытащить повозку, если они дадут мне немного места. Из горла вырвался хрип, больше похожий на рокот камней в бочке. Нейм отступил, едва не поскользнувшись.

За спиной затрещала ось. Я снова посмотрела на кузов и забыла о страхе перед оружием. Данк был там. Мне нужно было действовать.

Я поставила передние лапы по обе стороны поперечины и попробовала подхватить ее снизу. Когти цеплялись за дерево, не позволяя сжать его привычным движением. Слишком сильный рывок мог отломить балку и уронить весь груз. Я осторожно сместила лапы, оперлась боком о камень и потянула, пятясь назад по более широкой части дороги.

Повозка не шелохнулась.

Меня захлестнула злость. Я могла поднять тяжелое бревно, могла проломить стену, а здесь не справлялась с колесом, которое человек без меня сумел бы сдвинуть с помощью хорошего рычага. Я дернула сильнее. Дерево затрещало; кузов качнулся, и Леда вскрикнула.

Я остановилась.

Держать. Не рвать. Как когда-то учил отец, когда мы вытаскивали застрявшую телегу из разлившегося ручья. Нужно сначала дать колесам найти опору, а уже потом тянуть. Он тогда поставил меня рядом с испуганным жеребцом и велел считать шаги, пока тот перестанет метаться.

Я посмотрела на переднее колесо. Оно стояло на камне, но задний край кузова тянул вниз. Не хватало нескольких ладоней, чтобы вернуть нагрузку с рыхлого края на твердую дорогу. Веревки, которые закрепил Терен, должны были удержать повозку сбоку. Если я потяну плавно, они помогут ей не опрокинуться.

Северин понял это раньше, чем я успела снова двинуться.

— Терен, держи натяжение! — крикнул он. — Клара, выведите людей подальше от поворота. Нейм, оружие опусти. Сейчас она тянет телегу!

Последние слова прозвучали так резко, будто он спорил с самим собой. Копье оставалось у него в руках, но острие опустилось. Нейм послушался не сразу; потом убрал меч и побежал к остальным.

Я потянула еще раз. Камни царапали подушечки лап. Передняя балка упиралась в грудные пластины, мешая дышать. Мокрая земля под задним колесом осыпалась, но веревки натянулись и приняли часть веса. Я сделала маленький шаг назад, затем еще один. Переднее колесо прокатилось по камню, а заднее с тяжким скрежетом поднялось из промоины на ширину ладони.

Леда вскрикнула снова. На этот раз от неожиданности: повозка выпрямлялась.

— Держать! — крикнул Северин людям у веревок. — Не отпускать, пока не скажу!

Я продолжала пятиться. Временами лапы скользили, и я боялась, что вдруг потеряю опору и увлеку кузов за собой. Оглянуться было трудно: тяжелая шея тянула тело в сторону. Я смотрела на камни между передними лапами и считала движения, стараясь не слушать крики со всех сторон.

Еще шаг. Балка скрипнула, но выдержала. Еще один.

Из-под кузова выполз кусок ткани. Я заметила движение и остановилась, прежде чем понять, что это рукав. Данк, которого Леда уже протолкнула через освободившуюся щель, спускался по внутреннему борту, держась за веревку. Он попал ногой между колесом и скалой и замер, слишком близко к железному ободу.

Если бы я продолжила тянуть, колесо могло прижать его.

Я застыла, чувствуя, как дрожит дерево под лапами. Данк посмотрел наверх, прямо на мою морду. Глаза у него стали огромными. Он попытался отдернуть ногу и только сильнее застрял сапогом между камнями.

— Не шевелись! — крикнул Северин. — Марта... стой!

Я услышала свое имя. И не двинулась.

Терен бросил свободный конец веревки Нейму и протиснулся к мальчику с внутренней стороны. Его седая голова появилась под моей шеей. Он работал осторожно, но мне казалось, что каждое его движение происходит слишком близко. Когда Терен ухватил Данка за ворот, ребенок заплакал, и я невольно повернула голову к звуку.

Крыло дернулось вслед за плечом.

Я не собиралась раскрывать его. Просто пыталась не потерять равновесие. Но жесткая перепонка с силой скользнула по воздуху и задела Терена у плеча. Он отлетел к каменной стене, ударился боком и выставил руку, чтобы не упасть лицом вниз. Раздался короткий, мерзкий треск. Терен вскрикнул так, что я сразу отпустила балку одной лапой.

Повозка качнулась. Веревки удержали ее, но люди у креплений застонали от натуги.

Я снова прижала лапу к дереву и замерла.

Терен лежал у скалы, прижимая руку к груди. Предплечье выгнулось под странным углом. Данк стоял рядом с ним, свободный, с порванным сапогом и мокрым лицом. Нейм подхватил мальчика и оттащил на площадку.

Я хотела подползти к Терену, посмотреть, может ли он двигать пальцами, спросить, где болит. Вместо этого прижала крыло к боку еще теснее, чувствуя, как оно мешает даже неподвижности.

— Не двигайся, — произнес Северин, и я не сразу поняла, кому он это говорит.

Он присел возле Терена, быстрым взглядом осмотрел руку и велел подать две короткие доски для шины. Потом поднял голову ко мне. Мы смотрели друг на друга через несколько шагов. Я видела его копье, прислоненное к камню, и левую руку, которой он осторожно придерживал ремень на перевязи возницы.

— Держи так, — сказал он. — Пока его вынесут. Слышишь? Не тяни.

Мне хотелось ответить. Я только чуть опустила голову, надеясь, что он заметит. Он заметил: сделал движение в сторону повозки, посмотрел на натянутые веревки и крикнул Кларе, чтобы та не позволяла никому подходить к крыльям.

Терена подняли вдвоем. Он ругался, требовал немедленно вправить руку и обещал лично придушить каждого, кто вздумает жалеть его вслух. Я бы рада была услышать эти слова в другой день. Сейчас они только подтверждали, что он может говорить, дышать и злиться. Это было лучше молчания.

Леда оставалась внутри повозки. Она стояла у переднего борта, прижимая к груди узел с одеждой, и смотрела вниз. Ее ноги дрожали; прыгнуть на мокрую тропу она не решалась.

— Есть место, — сказал Северин. — Подождите, сейчас подведем ступень.

Клара принесла короткую доску. Один из возниц закрепил ее на внутренней стороне, пока я удерживала поперечину. Леда перелезла через борт, сильно ударилась коленом о край, но смогла спуститься. Стоило ей оказаться на земле, как она бросилась к сыну и прижала его к себе с такой силой, что тот возмутился сквозь слезы. Двое работников сняли с борта ящики, до которых теперь могли дотянуться со стороны скалы.

Я смотрела на них и боялась вновь пошевелиться. Терен лежал уже на безопасном месте. Северин затягивал на его руке ременную перевязь, Нейм держал доски для шины. Леда и Данк были живы. Теперь оставалось вытащить телегу, пока она не утянула в склон наши веревки и людей, которые за них держались.

— Можете отпустить груз! — крикнула Клара. — Люди вышли!

Но я не могла отпустить так просто. Если повозка сорвется, за ней может потянуть привязанные к скале канаты, а с ними и рабочих. Я опять уперлась лапами в поперечину. Северин, поняв мое намерение, велел людям отойти от опасного края, оставив канаты на каменном выступе. Тогда я осторожно потянула вперед. На этот раз груз катился легче: из кузова уже успели вынуть часть тяжелых ящиков, передние колеса нашли ровную тропу.

Один за другим я сделала еще несколько шагов. Заднее колесо выскочило из размытой колеи, ударилось о камень и со скрипом встало на дорогу. Ось жалобно треснула вновь, но удержала вес. Последним усилием я протащила переднюю балку к широкой площадке, где вчерашняя тропа соединялась со старой дорогой лесорубов.

Северин поднял руку.

— Достаточно! Закрепить колеса!

Рабочие вбили под шины клинья. Клара уже считала уцелевшие ящики, прикидывая, какой груз придется перенести в другие повозки. Кто-то смеялся от облегчения, кто-то плакал. Данк без конца повторял матери, что у него цела нога, только сапог порвался. Терен требовал дать ему воды и не трогать руку без предупреждения.

Я медленно отпустила поперечину. Под ней остались глубокие борозды от когтей. Когда попыталась отступить, крылья зацепились друг за друга, и пришлось остановиться. В животе болезненно урчало. Я чувствовала жажду, усталость и холодный камень под лапами с такой ясностью, будто все остальное исчезло.

Потом над дорогой раздался крик:

— Там дракон! Она же может всех нас убить!

Это была женщина из второй повозки. Я не знала ее имени. Зато узнала голос: утром она просила меня проверить упряжку и благодарила за совет о корме. Теперь она прижималась к борту телеги, не отрывая от меня взгляда.

Нейм схватился за рукоять меча. Еще один из мужчин поднял длинный шест, которым раньше снимали груз с верхней полки. Две лошади, почувствовавшие меня даже на расстоянии, начали биться в поводах. Кто-то крикнул, чтобы их отвели, и я услышала, как кожа ремней рвется под натяжением.

Я сделала маленький шаг назад. Шест поднялся выше.

— Не подходите! — крикнул мужчина. — Держите ее там!

Хотелось сказать ему, что я и не собираюсь подходить. Что я Марта, которая утром проверяла корм и еще вчера спорила с Тереном из-за мерки. Что я помню всех, даже тех, чьих имен не знаю. Из горла вырвалось низкое глухое рычание. Человек с шестом отшатнулся.

Я замолчала. У меня больше не было человеческого голоса.

Клара стояла у поврежденной повозки, глядя то на меня, то на Теренову руку. Лицо у нее было испачкано грязью. Она медленно закрыла счетную тетрадь, которую все это время держала под мышкой, и передала ее соседнему вознице. Затем направилась к площадке, где ожидали пассажиры.

— Все, кто не помогает, отойдите к первой повозке, — распорядилась она. — Детей увести от дороги. Кто умеет держать лошадь, занимайтесь лошадьми, а не чужими страхами.

Несколько человек послушались. Другие продолжали смотреть на меня. Я стояла посреди узкой горной дороги, слишком большая, чтобы спрятаться даже за высоким валуном. Плечи ныли после работы, один коготь был надломлен, на боку осталась светлая царапина от скалы. И каждый новый звук заставлял меня вздрагивать, потому что я не умела еще отличать шаги и голоса от угрозы.

Северин подошел к оставленному у камня копью. Сердце у меня словно провалилось вниз. Я знала это оружие. Знала его руки, внимательные движения, спокойный голос, которым он учил Нейма, как остановить дракона, если тот опасен.

Он взял копье, повернул его и положил поперек дороги у своих ног. Затем отстранил мужчину с шестом.

— Уберите это, — сказал он. — Все, кто хочет помочь, найдите воду и чистую ткань для Терена. Остальным делать здесь нечего.

— Но вы же охотник! — не сдавался мужчина. — Вы видите, что перед вами!

Северин посмотрел на меня. Я ждала, что он сейчас ответит так, как говорил у амбара: что узнавание бывает разным и опасность нужно остановить вовремя. Он действительно не мог знать, останусь ли я собой через несколько минут. Я сама этого не знала.

— Вижу, — произнес он наконец. — Вижу, кто только что вытащил ваших соседей с края. Уведите людей и дайте мне место.

Мужчина отступил. Северин остался там, где кончалась широкая часть дороги, не приближаясь ко мне. Нейм подошел к нему, что-то спросил шепотом и получил короткий ответ. Оба смотрели на мои лапы и крылья так внимательно, что я чувствовала себя больной лошадью перед решением, можно ли выпускать ее из стойла.

Я хотела опустить голову к земле и закрыть глаза. В саду после пожара мне помогло медленное дыхание. Я попробовала вспомнить его, но каждый раз, когда воздух входил в грудь, слышала, как рядом с людьми кричит испуганная лошадь. Она звала не меня, а своих, и все же от этого звука хотелось убежать.

Позади Северина Клара опустилась возле Терена, проверяя, не слишком ли туга повязка. Он увидел меня и отвел глаза. Наверняка рука болела так, что ему было не до благодарности. Я хотела попросить у него прощения. Перед глазами стояло, как он отлетел к скале, и я знала, что повинна в этом, пусть и не собиралась его задевать.

Данк выглянул из-за материного плаща. Увидев меня, он открыл рот, словно хотел что-то сказать. Леда быстро прикрыла его собой.

Еще недавно я спорила с Тереном о корме. Теперь он лежал со сломанной рукой, а люди, которые доверяли мне упряжки, отходили от моих когтей.

Я узнавала голоса Клары, Леды, Данка. Ответить им по-человечески не могла.

Северин осторожно отступил на шаг, освобождая передо мной место, и жестом велел остальным молчать.

Я осталась там, где стояла, вцепившись когтями в мокрый камень. Дорога была спасена. Люди вышли. Вокруг становилось тише, и от этой тишины мне делалось страшнее: я слышала,

как тяжело дышит Терен и как кто-то за моей спиной шепчет, что дракона нельзя оставлять живым.

Я раскрыла пасть для ответа. Вышел лишь глухой, пугающий людей звук.

Глава 4. Горькая вода

— Уберите шест, — сказала Клара.

Мужчина возле второй повозки не двинулся. Он держал длинную жердь поперек груди, словно тонкое дерево могло защитить от когтей, которыми я только что пропахала камень. На его куртке висела оторванная пуговица, под носом белела полоска муки. Утром он просил меня подсказать, не слишком ли туго затянут ремень на его дорожном сундуке. Я помнила даже то, что он поблагодарил, когда я поправила узел.

Теперь он смотрел мне на зубы.

— Она рычит, — сказал он.

Я стиснула челюсти. В груди еще перекатывался низкий, хриплый звук, и я не понимала, издаю ли его сама или это воздух проходит сквозь непривычно широкое горло.

— Потому что вы машете палкой у нее перед мордой, — ответила Клара. — Отойдите к своим вещам. Терену нужен кипяток, а здесь у меня собрался совет из людей, которым нечем заняться.

Она говорила так, как при выезде у городских амбаров отчитывала Вальта за лишнюю курицу. Наверное, ей тоже было страшно. Я видела, как побелели костяшки пальцев на руке, которой она придерживала ремень сумки. Но Клара не позволяла страху распоряжаться ее голосом.

Мужчина опустил жердь. Женщина возле него потянула за рукав и увела к повозкам. Вместо них вперед выступил Нейм. На его лице оставалась грязная полоса от того места, где он, должно быть, вытер пот рукавом.

— Господин Вард, — спросил он негромко, — что теперь делать с ней?

Северин не сразу ответил. Он стоял между мной и площадкой, где собирались люди. Копье лежало на камнях позади его сапог, но я знала, что ему достаточно нагнуться, чтобы снова взять оружие. От этого знания кожа под чешуей противно стягивалась.

— Сначала отведите лошадей, — сказал он. — Если сорвутся с привязи, получим еще одну беду. Потом поможете с пятой повозкой. Марта пока никуда не идет.

Я обернулась на узкую тропу. Позади меня оставалась осыпь, впереди — закрепленная повозка и несколько возниц, которые ожидали дальнейших распоряжений. Стоять здесь всю жизнь я не собиралась. Но сказать об этом было невозможно.

— Не думаю, что она вас послушает, — тихо произнес Нейм.

— Тогда будем смотреть, что она делает, а не угадывать заранее.

Северин поднял взгляд ко мне.

— Марта. Вы слышите меня?

Я попыталась кивнуть. Голова оказалась тяжелее, чем я помнила, шея потянула плечи, и движение вышло таким размашистым, что Нейм отступил. Северин не шелохнулся, только посмотрел на мои передние лапы.

— Хорошо. На этой стороне дороги, за выступом, есть пустое место. Камни там держатся крепко. Если можете, идите к нему медленно. Люди останутся здесь.

Он указал не вперед, к повозкам, а назад и левее, к неглубокой выемке в скале. Я заметила ее лишь теперь. С дороги туда вело несколько широких уступов. Для человека это был бы неудобный подъем, для меня — несколько осторожных шагов. Оттуда не было видно большинства повозок, а главное, лошади не должны были видеть меня.

Я двинулась к выемке, прижимая крылья как можно теснее. Правое задело мокрую стену, и я остановилась, чтобы подобрать его край. Передняя лапа легла на камень, потом задняя. Мир никак не желал помещаться в тех размерах, к которым я привыкла. Стоило повернуть голову, как я чувствовала необходимость заново распределить вес всего тела.

За спиной кто-то тихо ахнул. Я сделала вид, что не услышала.

В выемке было прохладно и тихо. Землю покрывал мелкий щебень; с верхнего края капала вода. Я легла, опустив голову на передние лапы, и вдруг поняла, что могу больше не держать повозку. Только тогда из меня вышли последние силы. В боку ныло после удара о скалу, одно из крыльев дрожало, а под когтем саднила трещина. Жажда была такой сильной, что я готова была слизать воду прямо с камня.

Северин остался на дорожке. Не входил в выемку, не просил повернуть голову и не пытался рассмотреть, насколько длинные у меня зубы. Я слышала его шаги, когда он отошел к Кларе.

— Дайте ей воды, — сказал он.

— В чем? — спросила Клара. — Миску она раздавит, если заденет.

— Есть плоское корыто для лошадей. Поставим у входа.

— Сначала вымойте. В нем вчера замачивали ремни.

Я слышала их разговор и чувствовала почти невыносимую благодарность за то, что они обсуждают воду, а не способ связать мне лапы.

Потом возле выемки заскрипело дерево. Нейм, стараясь не смотреть мне в глаза, поставил на ровном камне широкое корыто, полное чистой воды. Я не двинулась, пока он не отошел. Лишь когда за поворотом стихли его шаги, вытянула шею и попробовала пить.

Это оказалось сложнее, чем я думала. Я не могла просто прижаться губами к краю. Длинный язык зачерпывал слишком много, вода стекала по подбородку и плескалась на камни. С третьей попытки я приспособилась, но кожаный бурдюк, из которого наполняли корыто, придал воде неприятную горечь. Впрочем, я выпила почти все.

За поворотом Терен выругался так громко, что я вздрогнула.

— Не крути! — закричал он. — Сказал же, не крути руку!

В ответ раздался сердитый голос Клары:

— Тогда перестаньте помогать нам сами. У вас одна здоровая рука, ее и оставьте при себе.

Он что-то пробормотал. Я расслышала свое имя и отвернулась к стене.

Не хватало только одного: суметь объяснить, что мне жаль. Я помнила, как Терен освободил ногу Данка, как я повернула голову, как край крыла ударил по его плечу. Это не было нападением. Но кость у него сломалась по-настоящему, и все объяснения ничего с ней не сделают.

Я закрыла глаза. За веками сразу возникла картина: Оскар отступает от меня у горящей стены. Я старалась отогнать воспоминание, однако вместе с ним приходили новые. Нейм поднимает меч. Человек с шестом смотрит на мои зубы. Терен падает на камни. Я пыталась вдохнуть медленно, как тогда в огороде, но слишком многое происходило сразу, и каждый звук отвлекал.

Из-за выступа показалась Клара. Она несла что-то в одной руке и, прежде чем войти, остановилась.

— Марта? — позвала она. — Я принесла вашу сумку. Не знаю, поможет ли, но вы вчера говорили, что это вещи отца.

В ее руке висела старая кожа с потемневшей ручкой. Я узнала сумку раньше, чем различила все царапины на ней. Однажды отец нечаянно прорезал бок длинным ножом, и я зашила порез грубой нитью. Внизу у ручки сохранилось место, где он всегда обматывал ее бечевкой, чтобы не натирать ладонь.

Клара поставила сумку на камень возле входа.

— Ближе не понесу. Вам самой виднее, когда подойти.

Я вытянула лапу, желая придвинуть ее к себе. Когти, похожие на загнутые железные крючья, царапнули камень возле мягкой кожи. Я резко отдернула лапу и замерла. Стоило немного ошибиться — и порвала бы единственную вещь, которая связывала меня с отцом.

Клара ничего не сказала. Поправила ремень сумки, чтобы он лежал сверху, и отошла.

Я смотрела на знакомый узор стежков, пока дрожь в крыльях не стала слабее. Отец учил меня чинить такую сумку в тот год, когда я впервые осталась помогать ему на конном дворе до темноты. Он тогда ругался, что я слишком быстро тяну нить, а я уверяла, что так шов будет крепче. В итоге кожа собралась складками, и пришлось распарывать половину работы.

Я отчетливо помнила тот вечер. Стол у окна. Отцовские руки, широкие, с темными полосками под ногтями. Запах дегтя на старой сбруе. Ни огромного тела, ни охотничьего копья, ни шепота у повозок там не было.

Я прижала переднюю лапу к камню и стала различать, что чувствует каждая ее часть. Под когтями лежал мелкий гравий. Пятка опиралась на плоский уступ. Если перенести вес вправо, камень выдержит. Я попробовала. Ничего не обвалилось. Затем вернула лапу на прежнее место.

За поворотом продолжали говорить люди. Кто-то ударил молотком по дереву. Ветер тянул со склона сыростью, и каждая капля, падавшая из трещины над головой, отдавала холодом в чешуе. Все это находилось вокруг меня, но не требовало немедленного ответа.

Я снова подумала о собственных руках. Как они выглядели прежде, с короткими ногтями и шрамом у большого пальца. Как брали тонкую иглу, держали повод, поправляли воротник Оскару. Я могла представить каждое движение. Мне очень хотелось вернуть их, но на этот раз я не пыталась заставить тело измениться немедленно. Сначала нужно было убедиться, что оно мне подчиняется хотя бы сейчас.

Я осторожно сложила правое крыло плотнее, потом левое. Боль в боку отозвалась не сразу; пришлось подождать, пока она утихнет. Сдвинула заднюю лапу, чтобы лечь устойчивее. Повернула голову, проверяя, достаю ли до сумки, и снова остановилась. Я могла выбирать. Не все получалось красиво, некоторые движения пугали меня саму, но я знала, что именно делаю.

Воздух вышел из груди длинным теплым выдохом.

Перемена началась с неприятного ощущения, будто чешую изнутри стягивают мокрыми ремнями. Я уже знала эту боль и не пыталась от нее убежать. Камень под грудью стал шире, чем прежде; затем я поняла, что это я уменьшаюсь. Крылья потянуло к лопаткам, и меня скрутило так резко, что я ударилась плечом о гравий. Я услышала собственный крик — человеческий, хриплый и совершенно нежеланный для чужих ушей.

Через несколько мгновений я лежала на боку, обхватив себя руками. Крыльев не было. Вместо них болела спина, бедра ломило от напряжения, а на ладонях остались новые царапины. Ноготь указательного пальца треснул и кровил у края. Я узнала шершавую ручку отцовской сумки возле лица и, не думая, подтянула ее к себе.

Одежды, разумеется, тоже не было.

Я лежала на холодных камнях и не могла решить, что хуже: замерзнуть или попросить кого-нибудь принести платье. Наконец собрала остаток сил и позвала:

— Клара!

Голос вышел тонким и сорвался на втором слоге. Я откашлялась, попробовала еще раз. За выступом сразу стихли шаги.

— Марта? — откликнулась она.

— Мне нужны мои вещи. Из четвертой повозки. И чтобы сюда никто не подходил.

— Слышала. Не вставайте пока.

Она ушла так быстро, что я не успела попросить воды. В корыте еще плескалось немного, но поднять его теперь я не могла бы. Я осторожно села, прижимая колени к груди, и огляделась. Моя прежняя фигура казалась удивительно маленькой. Даже отцовская сумка, которую я в драконьем облике боялась смять одним когтем, теперь выглядела тяжелой и надежной.

Вскоре за поворотом послышались шаги. Мужские. Я невольно прижалась к скале.

— Я оставлю здесь сверток, — сказал Северин. — Не подхожу. Клара сейчас принесет воды и проверит, все ли в порядке.

На камни легла темная ткань. Он не пытался заглянуть за выступ и отошел прежде, чем я успела ответить.

В свертке оказались моя запасная сорочка, шерстяное платье, чулки и плащ. Все было сложено вместе с полотенцем. Я подозревала, что Клара так не укладывает вещи даже в дни большой спешки. Значит, они, наверное, перевернули мой сундук в поисках одежды, и я неожиданно смутилась из-за того, что кто-то мог увидеть старую заштопанную сорочку.

Пришлось одеваться сидя. Руки дрожали, когда я тянула чулки, а платье неприятно скользило по ссадине на спине. На боку обнаружилась длинная царапина, чуть выше талии; кожа вокруг покраснела, но крови почти не было. От движения левым плечом болезненно тянуло под лопаткой. Я осторожно застегнула верхнюю пуговицу и накинула плащ, потому что холод уже пробирался до костей.

Клара появилась с маленьким котелком и кружкой. Увидев, что я сижу, она остановилась на входе.

— Можно?

Я кивнула.

— Вы вернулись, — произнесла она, присев возле меня.

— Как видите.

— Вижу. Только вид у вас такой, будто под колесами просидели всю дорогу.

— Не очень далеко от правды.

Клара налила воды в кружку. Та была теплой, из бурдюка, с горечью плохо промытой кожи. Я выпила до дна и протянула кружку обратно. После второй руки стали дрожать меньше.

— Терен? — спросила я.

— Жив. Сварливее прежнего. Руку придется показывать лекарю, но сейчас мы ее закрепили. Сможет дойти до Ключевого двора, если не станет изображать здорового.

— Я ударила его крылом.

— Видела.

— Я не хотела. Там Данк застрял, я повернула голову, а крыло... — Я беспомощно шевельнула плечом. — Я не знаю, как оно двигается. Совсем не знаю.

— Думаю, Терен это понял. Но боль у него от понимания не прошла.

Мне хотелось сказать, что я виновата и готова сделать все, чтобы поправить дело. Клара, наверное, прочла это по моему лицу, потому что подняла руку.

— До расчетов еще дойдем. Сперва вам надо поесть и дать осмотреть спину. Северин сказал, вы поцарапались о скалу.

— Он видел?

— Видел, как вы тащили повозку вдоль стены. Не надо быть лекарем, чтобы догадаться, чем это кончится.

Она поставила рядом маленькую миску с мазью и чистую ткань. Я с трудом повернула голову, пытаясь посмотреть через плечо. Рука не доставала до середины спины, а просить Клару заняться мной после Терена и поврежденной повозки казалось бессовестным.

— Я сама обработаю бок, — сказала я. — Со спиной потом разберусь.

— Потом станет поздно, когда в ранки набьется дорожная грязь. Я позову Северина, если вы не возражаете. У него руки сейчас свободны.

Мне хотелось возразить. Не ему. Не человеку, который еще несколько минут назад стоял передо мной с охотничьим копьем. Но если бы кто-то спросил, кому я доверю нож возле плеча, я бы выбрала его раньше многих других. Это открытие было неприятно своим противоречием.

— Пусть придет, — сказала я. — Только без зрителей.

Клара молча кивнула и ушла.

Северин появился без копья. Я заметила это раньше всего остального и разозлилась на себя за то, что первым делом искала оружие.

— Клара сказала, вам нужна помощь с раной, — произнес он.

— Ссадина. На спине. Я сама не дотягиваюсь.

— Покажите, где.

Я отвернулась и спустила ворот сорочки с одного плеча. Оказалось, что сделать это одной рукой трудно: ткань прилипла к подсохшей крови. Северин подождал, пока я освобожу ее, и только затем присел возле меня. Не спрашивал, почему я дрожу, и не пытался помочь раздеться дальше, чем требовалось.

— Здесь две длинные царапины, — сказал он. — Камешки попали в кожу. Промою, потом закроем тканью. Сильно больно?

— Пока вы не трогаете, терпимо.

— Тогда будет неприятно.

Он не ошибся. Вода оказалась холоднее, чем я ожидала, и когда влажная ткань коснулась спины, я непроизвольно дернулась. Северин отстранился.

— Продолжать?

— Да. Только предупреждайте перед тем, как коснуться.

Он так и делал. Левая рука у него хуже слушалась, когда требовалось придержать край ткани, зато движения оставались аккуратными и неторопливыми. Я смотрела на отцовскую сумку, стоявшую между моими коленями, и старалась не думать, что этот человек привык совсем к другой работе с драконьей кожей.

— Вы знали, что это случится? — спросил он наконец.

— Нет. В первый раз был пожар. Сегодня я стояла возле обрыва. Думала, упаду.

— Значит, испуг.

— Возможно. После пожара я несколько дней вообще не была уверена, что умею ходить. Какой уж там ответ о причинах.

Он перестал промывать спину. Я обернулась, насколько позволяли плечи.

— Вы теперь думаете, что я могу обратиться в любой момент?

— Думаю, что вы сами этого не знаете. Это хуже для планирования дороги, чем если бы могли назвать точную причину.

Я опустила глаза. Он сказал грубо, но справедливо. Именно поэтому я не сказала Кларе всей правды.

— Вы держали копье, — произнесла я.

— Держал.

— Если бы я не потянула повозку, вы бы ударили?

Он не поспешил уверить меня в обратном.

— Когда вы появились на дороге, я не знал, кто передо мной. Люди оставались в кузове, а вы были между ними и нами. Нужно было решить, как отвести остальных и что делать, если вы броситесь на них.

— А когда поняли?

— Не сразу. Вы остановили телегу, когда Данк оказался возле колеса. Потом не двинулись, пока выносили Терена. Это были решения, а не случайные движения.

Его пальцы снова коснулись спины — сначала чистой влажной тканью, потом сухой. Я поморщилась и дождалась, пока он закончит.

— Терен все равно сломал руку, — сказала я.

— Сломал.

Мне хотелось, чтобы Северин объяснил, что я не виновата. Я была благодарна ему за то, что он этого не сделал. От обоих чувств стало противно.

— Вы так и не ответили, — напомнила я. — Если бы не увидели, что я понимаю происходящее?

— Сначала вывел бы людей за пределы вашего движения. А дальше решал бы по тому, что происходило. Не обещаю вам, что никогда не возьму оружие. Не стану обещать и того, чего сам еще не знаю.

Я вспомнила Оскара. Он просил меня пообещать невозможное, чтобы снова чувствовать себя спокойно. Теперь чужой мужчина отказывался обещать невозможное мне. Разница была в том, что Северин не требовал за свои слова никакой платы.

Он закрепил чистую повязку. Проверил, не тянет ли при повороте плеча, и отодвинулся.

— Готово. До вечера лучше не таскать тяжестей.

— Я сегодня уже немного потаскала.

— Заметил.

По тону нельзя было понять, шутит он или просто устал. Мне захотелось рассмеяться, но силы не хватило. Я поправила сорочку и спросила:

— Вы сможете объяснить людям, что я их узнаю? В том теле я слышу все, но говорить не могу.

— Объясню, что видел. А вот за ваше будущее говорить не возьмусь. О нем вы сами расскажете Кларе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.